

НА БЕРЕГУ

Повесть-странствие

*При закатных лучах
у крутоярья над мутной рекою
вдруг повеет
фиолетовым хладом
и смутит осознанием тщеты...*

*Но проглянет едва
бело-сиренево
нить предрассветная на горизонте –
и вновь бег устремлений,
вновь упования...*

I

Дороги влекут. Ожидание дорог наполняет тихой радостью.

Маруа, как всегда, начала собирать чемодан задолго, почти за месяц. Аккуратно собрала-сложила вещи, через какое-то время перебрала, оставила самые необходимые. Ближе к сроку отъезда Кадыр тоже начал охотно собирать свои вещи: запасные очки, записную книжку, ручку, MP-3, зарядки к телефону и планшету. Рюкзак получился увесистый.

И вот наконец день отправления. В родной городок на празднование 40-летия музея пригласил их директор музея, давнишний знакомый Кадыра.

Зал ожидания, как, впрочем, и весь железнодорожный вокзал, насквозь продувается «кара суык» – «черным холодом» бесснежья, но от этого воздух не становится чище, свободнее, потому что пространство пропитано людскими пороками – недоверием друг другу, нетерпимостью, готовностью моментально вступить в перепалку, нежеланием уступать никому ни в чем. А может, просто показалось...

Заранее уверен в отказе, но спрашиваешь в кассе: нет ли билета? И тут же становишься объектом налёта крутящегося рядом перекупщика-посадчика с зорким ястребиным взором, у которого из-под полы да втридорога можно купить билеты в любые направления и на любой вкус. Но в этот раз и таким образом не удалось достать билеты в купе. И куда все едут?..

Старые, ещё советских времён поезда – транспорт для небогатых. Кругом мрачные, угрюмые мужики в тёмных куртках-робах, остервенелые женщины с тоскливыми глазами. Некоторые, неумело и ярко накрашенные, при пасмурной погоде и свинцово давящем воздухе выглядят вульгарно и вызывают жалость. Потуги и ухищрения их образа жизни. Толстые зады обтянуты чёрными узкими брюками на резинке или джинсами, обвислые дыни-груди и животы, прикрытые китайскими куртками-пуховиками-робами, а в руках огромные те же китайские сумки. И эта толпа сейчас ринется атаковать вагоны, начнёт протаскивать свои неподъёмные баулы, волоча их за собой по узкому коридору. Любая из этих женщин, толпящихся, снующих по перрону, может оказаться соседкой по вагону. Вот, например, эта, с необъятной грудью и узкими бёдрами. Вспомнилось, как однажды на «девишнике-старушечнике» одна такая вышла в круг. Двигалась довольно приятно глазу, вначале несколько замедленно, даже как-то лениво, нехотя. Но постепенно всё энергичнее, всё живее. Выгибается, выпрямляется, идёт навстречу партнёрше, что называется грудью вперёд, несколько смело, но без кокетства, выставляя её из круга. А полные её груди, как две удлинённые тыквы или осенний сорт дыни-куляби, начинают сами по себе перекатываться из стороны в сторону.

Женщина на вокзале, напомнившая ту, с «дынями», встала со скамейки. Спреди подол трикотажного платья грязно-серого цвета задрался дугой, свисает по бокам, а по центру – пузыри от острых коленок, на которые только что был натянут этот подол. Короткий нос, называемый у русских курносый, а у казахов насмешливо – вздёрнутым или отбитым, как у чайника.

Или вот другая, из типичных «апашек», которые рта не закрывают, норовят лезть с расспросами, подмять под себя, сразу же перейти на «ты». Словно возраст всегда работает на мудрость. В годы, долженствующие быть зрелыми, сохраняют уверенность в своей значимости-необходимости... Наверное, они ещё не устали от жизни...

Вдруг сзади кто-то смачно сморкнулся, шлёпнув об землю опорожняемым. Фу-у-у, господи, что ж так-то? Утирая тыльной стороной ладони остатки слизи под носом, здоровый, ещё не старый мужик в тёмном пальто, вроде бы даже интеллигентного вида, обогнал пару. Он не смотрит по сторонам, занят своими мыслями.

Теперь взгляд помимо воли с отвращением натёкался, словно специально выискивая, на плевки-слюньки, гнойно-гнилостные харчки – на асфальте, под кустом и бог знает где. Бр-рр-р-брезгливо, с омерзением поглядывая под ноги, боясь наступить, Маруа побыстрее попыталась пройти к зданию вокзала.

В вагоне душно, шумно, остаётся только терпеливо слушать случайных попутчиков и наблюдать. А с другой стороны, может, и неплохо, что так получилось: сколько человеческих типажей встретится, сколько характеров. Да и недаром же говорят, что дорога лечит. Сквозь щели расшатавшихся рам и, наверное, с давних пор невымытых стёкол сильно дует. Некоторые пассажиры начинают затыкать их полиэтиленовыми пакетами, освободившимися из-под продуктов. (Раньше в них, в этих щелях, кишели тараканы, слава богу, хоть их сейчас нет. А интересно: почему? Ведь чище-то не стало...) От станции до станции вдоль железнодорожного полотна валяются пластиковые бутылки, пакеты, полиэтиленовые мешки.

Грязно-серые пятна виднелись и далеко в степи. И на полу вагона – обрывки газет, шелуха семечек, кочерыжка варёной кукурузы, помойное ведро проводников, переполненное пустыми бумажными чашками из-под китайской лапши, бутылками из-под дешёвого лимонада. Всё это ожидает своего часа быть вытряхнутым за окно и пополнить кочки мусора по степи...

– Маруа, слышь, в каком из домов живёт знакомый наших сватов?

Это Кадыр, он хоть с кем найдёт общий язык, уже разговорился с соседкой по купе, оживлённо переговаривавшейся одновременно с кем-то с верхней полки.

– А... не помню...

– Представь себе, Реке, – назвал он женщину укороченным уважительным вариантом имени, – живёт, оказывается, неподалёку в коттеджном городке, мы почти соседи.

– Рая, – представилась старуха, – а это мой племянник Санжар, – указала она на того с верхней полки.

Не барынька, а скорее приживалка, не скажешь, что обладательница коттеджа в престижном районе города. Маленькая, хрупкая, лицо сухонькое. Узкий нос со сплюсненными широкими ноздрями перечёркнут морщиной на переносице и спускается прямо к верхней тонкой губе, чуть выдающейся вперёд, а нижняя – змеится тоненькой ниточкой. Жилистые, худые руки с набухшими венами. Иногда запаздывает сообразить, что сказала бестактность. Слова вырываются раньше, чем она успевает их осмыслить и контролировать. Наверное, часто попадает впросак. Её попутчик обиженно замолк, а... вот вроде даже тихо огрызнулся. Жажда власти завуалирована опекой, заботой: «Только через меня!» – сказала она ему, накладывая запрет на какое-то дело. Тщится ещё зацепиться за что-то, быть нужной, опекать, советовать.

Неожиданно проскользнула, вроде случайно заглянув, овчарка. Безучастный тусклый взгляд стеклянных глаз, свалывшаяся лохматая шерсть. Следом шёл молодой мужик в штатском, за ним ещё двое. Лежавший на боковой нижней полке сосед (низкий лоб с выпуклыми надбровными дугами; сильно развитая нижняя часть лица с крупными челюстями; остриженная голова с выпуклостями, словно мозг выпирает наружу) привстал. Когда после вещей других пассажиров стали ощупывать и принадлежащую ему сумку, то большие, навывкате глаза его с красными прожилками сверкнули. Наверное, слишком хорошо знает своих соратников (как потом оказалось, он был ментом), потому так воспринял это бесцеремонное вмешательство в свою жизнь. После того как те ушли, он, развернув, расстелил молельный коврик на своей постели, забрался на него, поджав ноги, и боком ко всем стал сосредоточенно класть поклоны. Может, молитва ему необходима как «рычаг управления» характером, жизнью. Да, каждый оберегает свой хрупкий мир как может, как умеет...

На боковой нижней полке следующего отсека-купе на грязном матрасе без постельного белья спал полный смуглый мужик. Видимо, сразу же завалился, как только устроился. В такт движению поезда живот его мягко колышется, а голова повернута так, что лоб и плоские скулы образуют сплошную линию – выглядывают только кончик носа и подбородок.

На полицейского, который вызывал в купе проводника пассажиров, казавшихся ему подозрительными, и, наверное, перетряхивал их сумки, неприязненно поглядывали те, кто проходил мимо или стоял в очереди в туалет. Собака в это время

равнодушно сидела в углу, покачиваясь в такт движению поезда. Случись что сейчас, кинься кто к ней неожиданно, вцепись в горло, схвати за шкурку, она бы, вероятно, покорно поддалась, лишь слабо оскалившись: кажется, у неё нет ни сил, ни желания защищаться. Наслоение множества запахов: от вони машинного масла до отвратительных спёрто-тошнотворных запахов непроветриваемого вагона, – но нужного запаха нет, и поэтому интереса к этому месту у неё тоже не было...

На обратном пути, на другом поезде, Маруа снова встретит ту же команду, с той же собакой. Но в тот раз овчарка будет поживей, и глаза не будут казаться тусклыми. Вести её будет всё тот же парень, тихо приговаривая: ищи маму, ищи! Собака смиренно шла.

Придумал же, умник, как назвать... током ушибленный что ли?.. после «замыкания»...

Заглянула взбудораженная проводница, спросила, не до конечной ли станции едет Маруа, попросила займы пять тысяч тенге и, получив отказ, побежала дальше. Интересно, что там в её купе могло случиться?

Ехать долго, почти сутки. Что только не передумаешь, сколько всего переберёшь в памяти. Причины переживаний и переживания причин... Память, словно нарочно, выискивала и вытаскивала их на поверхность. Остался неприятный осадок из-за недавней ссоры с племянницей мужа, у которой распалась семья. Эта несчастная женщина считает обязанностью бывшего мужа тащить её, терпеть ругань, но оставаться с ней, обеспечивать её. Не может ни остановиться, ни сама осознать свою вину, ни простить. Если бы не переехали в Алматы, может, семья бы сохранилась. Кто знает? Так и терпели бы друг друга.

Большой дом, что оставил ей муж, не радует, хотя это будущее её детей. Ни облака, плывущие по небу над холмом, на котором высится дом, ни первые подснежники на холме – ничто не радует. Что такое будущее её детей, когда ей кажется, у неё самой нет будущего. Настоящее зыбко, как студенистое месиво, вся сущность которого перетёрта, перемолота, разбавлена, превращена в зыбучее желе, рассолена, расперчена; где мясо, где бульон, где соль и все остальное?.. Только озлобление, желчность, зависть к более удачливым клокочет и урчит, как в пустых кишках. Суть существа этой женщины составляют только обиды – окпе¹. Ничего не достигнуто. Ничего нет. Так ей кажется.

А дети? Дети же есть. Может быть, она уже больна? И это неврастения или что-то посерьёзнее, судя по тому, что её мысли постоянно сосредоточены только на себе и никак не вырываются из одного и того же замкнутого круга...

Всё это не волновало бы так, если бы не ссора. Надо попросить у неё прощения. Просят же христиане друг у друга прощения в Прощеное воскресенье за вольные или невольные обиды, просят прощения, как перед смертью. Да, Маруа, так и надо сделать. Надо сделать добрый жест: благо имя твоё означает «добрый знак», чуть ли не «благая весть», надо помириться, попросить прощения, хотя та, как всегда, поймёт по-своему. Ну, это всё равно. Главное – снять тяжёлый груз со своей души.

Теперь соседи по вагону стали казаться в общем-то приятными людьми. Да и сама перестала винить себя в чём-то. В частности, в том, что в последнее время охотно стала выпивать. Кадыр-то, ладно, мужик. А ей не пристало бы.

¹ Окпе (каз.) – лёгкие (орган человеческого тела), одновременно обозначает чувство – обиду.

Всё больше давящей пустоты в душе,
всё больше тянет к забвению...
тягуче подступает иногда
только желание выпить...

Подумалось почему-то высоким стилем. Снова попытка даже перед собой оправдаться, прикрываясь красивыми словами.

Одного только знает, кто отваживается выставлять напоказ все свои пороки, потому что он поэт. А может, потому и выставляет, что поэт, что надо быть честным и со всеми, и с самим собой. Вот у кого надо бы поучиться мужеству.

Да, Илья, поэт от Бога. Интуиция просто потрясающая: всё чувствует, а остальное – домыслит... А раз домыслит, так и попадёт, глядишь, в одну из жил истины...

Поезд остановился на какой-то станции. Со всех сторон хлынули торговки с лепёшками, жареной рыбой и прочим. Некоторые катили перед собой самодельные тележки, а то и детские коляски с нехитрым товаром. Равнодушные к тому, какое производят впечатление, привыкшие к своему облику: платки, завязанные по самые брови, тусклый взгляд, серые морщинистые лица. Всё вместе: и лицо, и облик, и весь их товар – всё запылённое, всё нечистое. Безразличие-безнадёга во взглядах, обречённость-законченность в обликах.

Однажды, на перекрёстке по улице Ташкентской, где скопилось множество грузовых, легковых автомобилей, встретила телега, запряжённая осликом. Странное это было зрелище – три женщины на подводе: одна из них, возница, держит в руках поводья, взгляд деловито ожидающий; вторая, что помоложе, возлежит на мешках, опершись на локоть и с любопытством поглядывает вокруг. Лица чёрные, прокопчённые солнцем, иссушенные ветрами. Обе одеты в пёстрые цветные линальные кофтёнки и платья, на головах старые платки с поблекшими нитями, когда-то серебряными или золотистыми. Третья – в бейсболке, моложе тех двоих, одета в футболку и брючки. В телеге сквозь борта из металлических прутьев проглядывают аккуратно сложенные пустые бутылки. В задней части телеги собраны покорёженная гнутая проволока, какие-то штыри, куски ржавой арматуры, сверху старая кастрюля, погнутая чашка, к задку привязан чем-то набитый мешок.

Вот возница подняла руку, поглядывая направо. Пропустили ли её водители машин или нет, проследить не удалось.

На следующие выходные они встретились ей на той же улице. Когда образовалась пробка, то та, которая в бейсболке, прыгнула с телеги и, взяв ослика за повод, повела в обход длинной цепи машин в несколько рядов.

А однажды они лихо скакали на своей дребезжащей и трясущейся телеге наперегонки с проезжающими машинами и остановились у одного из заборов, на котором было написано: «бирем цветной метал, шкуры».

* * *

Маруа с мужем решили сделать в Кызылорде остановку. Встретил их художник Кареке, седовласый, с аккуратной, тоже седой, бородкой, интеллигентный, утончённый, красивый, как древнегреческий бог, и привёз в отель «Ван Гог». В степ-

ном городке – и вдруг «Ван Гог»! Хотя в Алматы тоже есть ресторан «Сальвадор Дали», и, кажется, ничего особенного.

В роскошном номере над широким ложем висела копия «Пшеничного поля со снопами». Обустроившись, спустились в ресторан. На столах ярко-оранжевые скатерти, красные большие салфетки, керамические чайные чашечки, жёлтые, как подсолнухи, – всё в тон картинам на стенах. А на центральной стене, словно на плацу, увеличенная копия автопортрета художника с забинтованным ухом.. Болезнь-беда художника словно выставлена напоказ. Почему именно этот портрет? Торговец взял верх над любителем живописи?.. А вот «Ночного кафе» в зале нет ².

Рано утром, во время завтрака, на пустовавшей половине зала, где висела картина, свет был отключён. В глубине, с полутёмной стены Ван Гог смотрел одиноко и скорбно...

Рейсовым автобусом они сразу же выехали в следующий городок, в Тюра-Там. Было только начало ноября. Дул, завывая, пронзительный ветер. Автобус нёсся по неровной колее асфальта, подпрыгивая и дребезжа. Змеилась-извивалась в стороне серо-мутной рябью Сырдарья, то показываясь, то снова прячась в зарослях тальника. Извивалась, словно мифологическая мать-змея, Драконтина, одно из имён которой – Тәжі³. А если посмотреть на карту местности, она напоминает живую кишку, плавно блуждающую, с выгибающейся, вываливающейся скользкой неукротимой плотью. Река стремится в вечном беге вдаль, на запад, к морю, то меняя русло, то мелея. Древний Йинчу-Огуз⁴ теперь стал мельче, всё больше петляет, изгибается, но иногда движется напролом. Отделившись, он несёт струю быстрого течения, всё расширяющегося, всё более набирающего силу, чтобы хлынуть в наиболее удобные ложбины, размывая-сметая по пути мелкие кусты вместе с корнем, затапливая иные упрямо торчащие кустарники. Своенравный, быстрый поток начинает жить своей отдельной жизнью, всё более отдаляется от реки, убегая всё дальше и дальше, размывает песок, глину. В нём несётся мелкая рыбёшка, головастики, лягушки. И радуется притоку всё: и рыба, и скот, и камыш, который буйно разрастётся на следующее лето на этих берегах.

Земля местами была серо-белая, словно припорошенная снегом, местами сменялась чёрной травой на солоноватой почве болота в пойме. Колыхались пшенично-спелые верхушки камышей, отдавая охрой. Просматривались серо-розовые верхушки тамариска, тёмно-зелёные, тёмно-серые высокие на корню кустарники со светло-серым пухом; серая с оранжевым оттенком крона джиды, серо-изумрудный жусан, мелкая низкорослая трава.

Нет, степь не однообразна, не монотонна, она обсидиановая, жёлто-коричнево-терракотовая...

На фоне скудной растительности степи по обеим сторонам дороги радовали глаза ярко-бордовые в это время года тоненькие ветки дузгена с торчащими в разные стороны острыми и крепкими длинными иглами. Весной эти иглинки ярко-изумрудного или же серо-зелёного цвета, податливые, нежные,

² «Это место, где человек губит себя, сходит с ума...» (из письма Ван Гога брату Тео о картине «Ночное кафе»).

³ Драконтина по имени Тәжі (С. Кондыбай «Мифология предказахов»).

⁴ Сырдарья. Йинчу-Огуз на древнетюркском языке «Жемчужная река». Значение этого слова совпадало с древнегреческим вариантом (Яксарт). Арабы называли реку Сейхан.

выбиваются-пробиваются из почек-раструбов, сгрудившихся на сочленениях-межузлиях кустика, и тянутся вверх. Но из-за недостатка влаги остаются разными по длине и тонкими, словно зубочистки или цыганские иглы.

У водителя проигрывалась кассета. Кадыр любит эти песни-терме – особенное, горловое пение, сохранившееся в здешних местах. Кассету прокручивали несколько раз. Сквозь треск и шум мотора удалось расслышать слова:

...Не печалься, душа, не печальтесь, глаза,
что не суждено увидеть то, что будет после нас... ⁵

Частые здесь сильные ветра разметали по небу облака. Их самые невероятные очертания поминутно менялись, превращаясь в фантастические завихрения-спирали. Черные тучи, клубясь, то закрывали, то вновь открывали взору солнце, алые отблески появлялись то поверху, то понизу облаков. В какой-то момент солнце смотрелось как ухват, которым в сказках вынимают горшки из печи. По направлению ветра вытянулась длинная череда облаков и стала скручиваться в воронку. Когда солнце выглянуло вновь, озаряя небо тускло-жёлтым светом, открылась совершенно неожиданная картина – солнце в обрамлении черных туч было похоже на зрачок! А прямо над головой облака превратились в рассыпанный снег – будто кто-то раскидал его по обеим сторонам небесной дорожки. Чёрные тучи вдруг провисли, и за сплошной их полосой исчезло солнце. Ветер разгулялся сильнее. Казалось, он поднялся выше, охватив разом всё поднебесье; узкая полоска горизонта окрасилась пурпуром; ещё несколько минут, и пурпур сменился шафраном, шафран – лимоном... По всему небосводу – золото, лимон, багрянец, синь.

Автобус, натужно гудя, поднялся по узкой разбитой дороге, прорезающей невысокий холм пополам, и вдруг взору предстал над ровной линией горизонта величественно стройный, светло-серый силуэт памятника – четыре кобыза на мемориале Коркыт-ата, самая высокая точка в степи, притягивающая взоры.

– Кадыр, давай остановимся здесь.

– Что?

– Давай остановимся здесь на ночь.

– Да ну. Здесь холодно. Да и у кого ночевать?

– Обычно в таких местах останавливаются у зрителя.

– Да нет, не надо.

– Пожалуйста, прошу тебя... Я так давно не была в этих краях. Наверное, лет двадцать, если не больше. Прощу тебя! Ну куда нам торопиться?

– Нет! Приедем специально. Попросим машину у моих родственников в Тюратаме и вернёмся, посмотрим музей не спеша, днём.

– Нет, давай останемся сейчас. Кстати, предки твои из здешних мест. Турмагамбет, терме которого мы только что слушали, отсюда. Может, это знак. Давай остановимся. Ну прошу тебя...

– Родственники ждут, наверняка уже стол накрыт. Зачем их обижать?!

– Ну пожалуйста, Кадыр! Позвоним, предупредим, что приедем завтра.

– Да нет, не хочется.

– Ну пожалуйста! Вот увидишь, ты не пожалеешь, что остался. Сумерки, рассвет... Смотри, какие краски!

⁵ Көре алмай кейінгі кеттім-ау деп // арманда болмай ақ-қой екеу-ай кезім («Назидания» Турмагамбета, подстрочный перевод автора).

Побурчав, он наконец согласился. Ему действительно нет дела ни до закатов, ни до сумерек. Оказаться бы скорее среди родственников, говорить, не наговориться за бутылкой водки, вспоминая милые сердцу мелочи, но он, как всегда, прислушивается к её желаниям, жалеет её. Ничего, наговорится со зрителем, ещё и подружится с ним, а потом уж и самому будет казаться, что это была его идея остаться на ночь...

Маруа взглянула на него с благодарностью. Слов нет: природа наградила его добрым нравом, благородной внешностью – продолговатое лицо, правильные черты лица, большие, влажные чёрные глаза, добрый ясный взгляд. А смуглость придаёт ему сходство с индусами. И одевается всегда аккуратно. Это она может что-то надеть простенькое, носит то, что можно не гладить, а он любит наглаживать свои вещи. И ведь не ленится. Вот и сейчас он в светло-серой толстовке, под ней тёмно-синяя рубашка. Красивый, ухоженный. Как-то в поездке один казахстанский немец спросил, кто он: популярный актёр или писатель. Оказывается, перепутал с Днишевым.

Часто стал вспоминать детство или, как он говорит, – «уходить» в свой аул. В первое время это пугало её. Однажды решила спросить.

– Перед сном представляю свой аул, – сказал он, – мысленно прогуливаюсь к водокачке, к парому, ныряю в воды речки, брожу по старому кладбищу, подхожу к древнему мазару Шерин, где я в детстве пас ягнят, собирал караганы, сладкие корни, лук. У меня есть воображаемая лазейка под этим мазаром, куда я «ныряю» вечером перед сном и «вынырываю» утром: так мы делали в детстве, каждый из нас сочинял, что видел там, в подземном царстве, под землёй. И сейчас я по старой памяти делаю так.

– Ты что?! Серьёзно что ли, зачем это? Не о чем больше подумать?

– А я люблю вспоминать детство. Ты же знаешь, я был первым и желанным ребёнком у родителей, до меня рождались только девочки, они умирали в младенчестве. Когда я заболел и сильно кашлял, мать возила меня на островок на Сырдарье, где не было удушающей жары. Мне было тринадцать лет – мой первый мушел, когда отец продал несколько коров и купил мне трехколёсный мотоцикл «Иж-Юпитер». Ни у кого в ауле не было такого мотоцикла, даже у взрослых. Я возил на нем сено, скошенное матерью на островах, и уже тогда чувствовал себя взрослым. В десятом классе, когда я заболел воспалением лёгких и долго пролежал в больнице, Лидия Ивановна, воспитательница интерната, где я жил, добилась, чтобы впервые в истории школ нашей области мне дали серебряную медаль без выпускных экзаменов, только на основании прежних отметок (а я всегда был отличником). У меня было много друзей, в том числе и русских пацанов (тогда в нашем маленьком ауле проживало десять-двенадцать русских семей), у меня всегда водились деньги, я угощал всех. На каникулах мы ловили рыбу, купались, целыми днями бегали на берегу реки, катались на пароме, а паромщиком был мой отец.

– Ну и что ты видишь в этих воображаемых путешествиях по катакомбам?

– На этом кладбище покоятся две мои бабушки, много друзей детства. Нас вообще мало осталось из тех, детских моих лет...

Нет уже многих дорогих сердцу людей, нет того безоблачного счастья, а ожидание радостей, благ, приятных моментов осталось на всю жизнь, и оно не переставало уменьшаться. Во взрослой жизни ничто не давалось просто так, надо

было бороться за всё в буквальном смысле. Говорят же, что особенно жизнеспособными и жизнестойкими становятся те, у кого было трудное детство.

И вот тут, наверное, «помогаю» я, подумалось Маруа, со мной некогда скучать: то поездки, то увеселения, то переживания по поводу каких-то неудач. Говорят, что в конце жизни человека всегда тянет к тем условиям, в которых он начинал свою жизнь. И это желание непреодолимое, произвольное. Стоит оказаться в каком-нибудь месте, напоминающем картины детства, или даже увидеть какие-то детали как человек, сам не замечая, сразу же откликается действием, втягивается.

II

Оставшись на трассе, немного постояли, подставляя ветру разгорячённые лица, глубоко вдыхая бодрящий, холодный воздух, и направились к мавзолею, с наслаждением разминая затёкшие ноги. Шагалось легко.

Ещё издали показались перед входом на территорию музея каменные балбалы, просматривался каменный муфлон на постаменте перед музеем. Глаза разбежались, не останавливаясь на чем-то одном. Вышел навстречу смотритель-шыракшы мазара, звали его Болат. Худой, высокий, смуглый, с тонким лицом и короткой реденькой бородкой. Одетый в длинную, до колен, рубашку, как у пакистанцев, он казался чуть старше тридцати лет. Маруа попросилась осмотреть музей. Смотритель открыл уже закрытое помещение, включил кюй. Потянулась заунывная, завораживающе-затягивающая, печальная мелодия кобыза.

Наступали сумерки. Маруа осталась одна, Кадыр ушёл со зрителем. Край горизонта отдавал полупрозрачным аметистом, ветер немного стих. Прислушиваясь, она постояла под бетонными грифами, прислонившись спиной к одному из них. Казалось, гудел и бетон. Трубки, вмонтированные между четырьмя столбами-грифами, под воздействием ветра выдували тончайший мелодичный гул. Присесть бы удобнее и сидеть-сидеть долго, отрешившись от всего: музыка ветра убаюкивала. Недаром же считается, что струнные инструменты воздействуют на ментально-эмоциональное начало в человеке. Можно было бы посидеть подольше под эти едва слышные вибрации, если бы не темнота, подступающая со всех сторон, не волнение, не мысли, несущиеся, опережая друг друга, как тот же ветер, что гудит в трубках и доносит звуки перестука колёс проходящего внизу почти игрушечного поезда, в окнах которого мелькают огоньки.

Странное зрелище представлял собой амфитеатр в ночи: весь выбеленный известью, он казался круглой белой воронкой, вставленной в чёрное пространство земли. Маруа спустилась вниз, на дно-сцену, в «кратер», посидела немного. В это время взошла луна. Поднявшись вверх, Маруа постояла, оглядывая далеко видимую при лунном свете блестящую ленту трассы, и направилась к пирамиде. Только подойдя к ней вплотную, можно было заметить идущие вниз несколько ступенек перед аркой-входом в маленькую молельню, расположенную внутри этой пирамиды. Спустилась, прошла по часовой стрелке вдоль стен пирамиды, обращённых к четырём сторонам света, что символизирует, наверное, пребывание Коркыт-ата во всех «четырёх сторонах света». Здесь, в этом узком коридоре, опоясывающем молельню, ничто не отвлекало внимание-взор от тусклого неба. Наоборот, стены, выбеленные известью, контрастируя, словно подсвечивали звезды, едва видимые при полнолунии. Коридор этот представлял собой гнездо-ложе ключа. Может, к душе каждого входящего сюда: с ней-то труднее всего...

Тогда, в молодости, не заметила, а вернее, не обратила особого внимания на устройство пирамиды. Сейчас рассматривала будто внове.

Вошла внутрь, в крохотное круглое помещение с кольцом-кругом у основания и с изображением на мозаичном полу знаков инь и ян. Замкнутое пространство молельни с низким округлым, слегка вытянутым вверх потолком, сливающимся с вершиной пирамиды, было освещено серебристо-мерцающим светом полной луны. Присев на корточки, на миг задумалась: кому молиться? Столько всего намешано в душе. Привычное двоеверие – Высокий Тенгри, Милосердный Аллах? Или обратиться к духам предков, духу Коркыт-ата (он почитается людьми как святой, то есть он как бы уже мусульманин в нашем восприятии) или к кобызу, этому священному инструменту, чей памятник называют в народе «Поющими трубами». Вообще-то другой молитвы, кроме сур Корана, и не знаешь...

Какая-то тётка, прикрыв свет луны, сунулась в молельню. Маруа поднялась. Не стоит сильно добиваться чего-то или огорчаться; что суждено, то и будет. Здесь, в молельне, понимаешь, как это мало значит. Стало спокойней, умиротворенней...

Жена смотрителя, полная молодая женщина, в платке и длинном платье, светлолицая и улыбчивая, радушно встретила, расстелила дастархан, подала чай. Оказывается, дочь смотрителя Айгуль, которая учится в Астане в музыкальном училище, куда забрала её знаменитая скрипачка, часто бывающая здесь, приехала домой на каникулы. Скрипачка уж точно приезжает на поклонение духу великого кобызшы и кобызу: ведь Коркыт-ата считается «пиром» играющих на кобызе, а кобыз – это та же скрипка.

Айгуль смотрелась ещё совсем ребёнком, тоненькая, словно тростиночка-чий с лога вблизи родного аула. У неё удивительно светлый, светящийся лик, такие же светлые глаза, то ли серые, то ли с серо-коричневыми крапинками. Распущенные по плечам волосы были цвета сухих стеблей созревшего куста того же чия, когда он ещё находится среди сцепленных общей пуповиной-корнями братьев-сестёр-тростинок, высоко взметнувших свои шёлковые метёлки. Куста, ещё не высохшего, не почерневшего у корня, не выгоревшего верхушками, ещё не срезанного рукой местного умельца для коврика-панно или циновки для юрты. Каждая тростиночка чия будет потом любовно, старательно обвёрнута тонким слоем овечьей шерсти, выкрашенной в разноцветье-радугу и чудесным образом создающей подобие нежной, дымчато-прозрачной акварели...

Смотритель что-то спрашивал, Кадыр охотно отвечал ему, а Маруа думала о своём...

Вспомнилось, как совсем недавно, до этой поездки, побывала в Доме-музее М. Ауэзова в Алматы. Пришла она рано, ещё до начала рабочего дня; в маленьком дворике музея в ожидании работников присела на скамейку под старым орехом. Только что прошёл дождь. Полз мимо дождевой червь. А рядом рдела мелкими гроздьями волчья ягода.

Она вглядывалась в лицо каждого входящего в этот двор, чтобы ответить на их приветствие: а как же иначе, по-другому не могло и быть, здесь царствовал дух великого писателя, и все эти люди были вхожи в его пространство. В конце недлинной аллеи появлялись работники музея. Они – молодые и старые, вдвоем и поодиночке, озабоченные чем-то, с пасмурными лицами или склонив голову, – не замечая её, проходили мимо быстрыми (шаркающими, бойко постукиваю-

щими каблучками или семенящими) шагами. Молодая женщина лузгала на ходу семечки, а пожилая рассказывала ей о ком-то, кто затаскивал мешки с чем-то и наследил в коридоре. И никому не было дела до немолодой женщины, сидящей на скамейке и несмело, ожидающе поглядывающей на них.

А впрочем, будь я на их месте, поступала бы, может быть, так же, подумалось ей. До людей ли, если что-то не ладится или печёнка беспокоит, а впереди весь рабочий день? Для них это каждодневные будни. Для неё, редко навещающей сюда, – событие. И опять же сантименты, некая завышенность ожиданий. Слаб человек! Внимания захотелось, усмехнулась она про себя.

И тогда вдруг прямо у ног гулко ударился о тротуарную плитку орех, восседавший в бурой кожуре, словно в раскрывшемся бутоне лотоса. Именно в этот момент суждено было ему окончательно созреть, удариться оземь и звонко треснуть в тишине.

«О, вот и поздоровались со мной», – усмехнулась Маруа, подобрав орех...

Смотритель рассказывал о могучем племени огузов, живших здесь, о том, что большинство исследователей считают наиболее вероятным местом захоронения Коркыт-ата именно это. А казахи просто уверены, что именно тут, на берегу Сырдарьи, похоронен великий кюйши. Вниз по реке был расположен древний город Жанкент – зимовка, «зимняя резиденция» «царя огузов». «Вам надо обязательно побывать там», – сказал он...

Она долго пророчалась, прежде чем заснуть. Где-то гроыхало железо – то ли крыши дома, то ли сарая. Представлялось, что ветер разрывает и треплет солону; были ещё какие-то непонятные звуки и шумы, как это бывает на незнакомом месте.

А когда наконец заснула, снилось, что стоит в нерешительности перед холстом, придирчиво оглядывая его. Холст плохо натянут, ей хочется заново перетянуть его... она начинает грунтовать... вот и грунтовка уже высохла... кажется, все готово, но она ещё приглядывается, оттягивая время, не решаясь сделать первые мазки... появляются какие-то люди, они что-то спрашивают, она отмалчивается...

Среди ночи залаяли собаки. Оказывается, подъехал целый автобус с паломниками. Молодые парень с девушкой провели под руки в смежную комнату старую женщину. Она странно вышагивала, отставляя поочерёдно широко в стороны то одну ногу в ичигах, то другую. Девушка сняла калоши с ичигов женщины. А... так у неё протезы... они ниже колен... Кончики рукавов пальто провисали, значит, у неё и с руками что-то. Прошла толстая низкорослая женщина, рядом худосочный мужчина, наверное, муж. Эти быстро и деловито оглядели комнату, не задерживая взгляд ни на чём, и на Маруа – тоже. Вошла пухленькая молодая женщина в пуховом платке и в тесном пальто, с наглухо застёгнутым воротом. Плечи пальто сильно приподняты, видно из-за узкой проймы, – это придавало ей комичный вид.

Сквозь приглушённый говор можно было разобрать фразы о том, что автобус сломался в пути, и потому они задержались.

Наутро проснулась с тяжёлой головой. Может, от запаха дыма открытой печки-трёхрядки, может, от запаха чужого дома, чужого одеяла и сна в чужой постели, на полу. Вышла. Дул сильный ветер. Подставив ему лицо, глубоко, с жадностью вдыхала морозный воздух, словно насыщая, наполняя каждую клеточку. Головная

боль стала проходить. И душу «проветрило». Простояла довольно долго, прошлась по двору, завернув за угол, повернула по тропинке, ведущей к кумбезу⁶. Ярко светила утренняя звезда. Край горизонта едва начал сереть.

После морозного воздуха вид жилой тёплой комнаты, участие и внимание хозяев, уже накрытый к чаю дастархан – всё трогало. Немного сковывало присутствие странного вида паломников, уже сидящих за дастарханом. Сухощавый мужик в очках, с редкими волосами тёмно-пшеничного цвета, торчащими ёжиком. Длинный нос с суховатыми, хрящеватыми ноздрями, будто срезанными по нижней линии; узкая переносица расширяется книзу; лицо в морщинах; острый взгляд маленьких глаз. Видать, оборотистый, предприимчивый, озабоченный тем, чтобы быть не хуже других, постоянно находиться в струе, течения. Его жена, неторопливая тучная женщина с крупным лицом землистого цвета, с воспалёнными красными прожилками в глазах и веками без ресниц. Коренастый, плотный, в старой помятой кепке мужик с серым одутловатым лицом и припухшими глазами. К нему склонилась его спутница, сгорбившаяся женщина лет пятидесяти, с деформированными кистями рук, с искривлёнными, неразгибающимися пальчиками, сжатыми в подобие кулачков. Сквозь мясистые, набрякшие, едва приоткрытые веки блеснёт иногда бельмо в одном глазу или узкое лезвие зрачка в другом. Худящая старуха со смуглым восковым лицом (и, как Маруа заметила ночью, без кистей рук) сидела молча, наблюдая за своими спутниками. Дочь, крупная, дородная, такая же молчаливая, подавала ей пиалушку, та двумя обрубками рук подносила чай ко рту – зрелище было не из приятных. Рядом парень, сын старухи. Оба – и дочь, и сын похожи на свою мать. В братце что-то отталкивающее: тусклый взгляд глаз без ресниц и хищнический оскал-улыбка. А дочь – красавица: глаза такие же, но блестящие. Свежесть, молодость сами по себе уже чудо, а тут ещё эти совершенные черты. Эта кареглазая красавица, ухаживая за больной и властной матерью, вынуждена, наверное, прятать свои эмоции, быть сдержанной. А смуглая до черноты женщина, небольшого росточка, худая, как подросток, заулыбалась; у нее, должно быть, кроткий и спокойный нрав.

Кадыр остался с паломниками, охотно беседуя с ними, расспрашивая о чем-то. Как Маруа и предполагала, ему было с ними интересно, нашлись даже общие знакомые, а она вновь пошла к четырём кобызам. Войдя в молельню и подняв голову, весело хмыкнула: на потолке прилепились два гнезда ласточек, ночью она их не заметила. Получается, люди возносили молитвы и земные поклоны и вот этим птичьим гнёздам! Сколько горячих признаний и сокровенных пожеланий выслушали они.

Воспользовавшись уединением, Маруа вновь слушала музыку ветра под бетонными грифами, долго сидела, глядя вдаль, на трассу, на поезда, на сурков, выбегающих из норки под одним-единственным в округе молодым деревцем неподалёку от входа на территорию музея...

Тихо шелестит-шепчет на ветру блестяще-клейко-шелковистая дробно-мелко-кружевная листва-одеяние карагача-береста, дерева-оберега, дерева-шамана, ещё молодого, но отмеченного возложенной людьми обязанностью-привилегией-грузом принимать поклонения-знаки потаённо-взлеянных надежд паломников-странников-путников, идущих поклониться святым мощам. Как и

⁶ Кумбез (каз.) – купол, гробница, надмогильное сооружение, мавзолей.

их далёкие предки, обращавшиеся к духу священного дерева, чтобы испросить милости, страждущие привязывают к его веткам свою ленточку или тряпицу рядом с уже трепещущими на ветру разноцветными лоскутками, которыми обрастает крона дерева-духовника, знахаря-врачевателя.

Всем есть до него дело и интерес. А он, бесконечно-терпеливый, молча внимающий и птице, щебечущей на ветке или пролетающей мимо в поисках зёрнышка, и сурку, вырывшему норку у самых его корней, и червя, нашедшему обиталище под его корой-кожицей, выслушивает людей, их исповеди-молитвы, мольбы-просьбы об исцелении от хвори, о ниспослании благ, так необходимых для всего сущего. Оттого, может быть, страдая, источает он клейкую, сопереживающую-сочувствующую жидкость-слезу-кровь, пробивающуюся сквозь все поры ствола, листьев, веток. На неё с жадностью набрасывается разная живность – тля-комары-мухи-муравьи-бабочки.

Жирный сурок, завидев паломников, бросается в свою крепость, изредка выглядывая и прислушиваясь к неприятно-крикливой трескотне пестро-двуногих существ, иногда подходящих почти вплотную к его норе. И мнится ему, что эти странно снующие существа, дурно-затхло-нестерпимый запах которых перебивает всё, даже запах полыни, приходят к нему неспроста. Он горделиво-пренебрежительно принимает их дары – устрашающе-полыхающее разноцветье-радугу у своего жилища. А когда они уходят и вокруг рассеивается-очищается-светлеет после их удушающей вони, он выглядывает-выползает из норы, следом выбегают его детёныши, повзрослевшие, но все ещё безмятежно-беззаботно-игриво резвящиеся. Сурок строго поглядывает на потомство и, поднявшись на площадку-холмик-сурчину, долго ещё зорко всматривается в степь, выжидая, не появятся ли вновь эти странные существа, идущие к нему на поклон и ждущие его молчаливого благословения.

Норка вычищена, выслана свежесухой нежной травой-дерном; старая, только что выкинутая, иссечённо-помятая, бледно-зелено-серая лежит у порога. Скоро отдых-спячка. Золотисто-жёлто-песчаное пушистое одеяние-шубка сверкает на солнце, лоснится от тучности-упитанности. Щечки достойно обрамляют облик-столбик.

По извилистой тропке Маруа прошла в сторону реки к развалинам старого мазара, возле которого находилась башня-кесене Хромой девушки, напоминающая девичий головной убор. Легенда гласит, что только одна из сорока девушек, отправившихся из Сарыарки на зов волшебных звуков кобыза Коркыт-ата, дошла до берегов Йинчу-Огуза. То была хромая девушка. «Слушай сердце и верь в себя!..» – приписали на башне восторженные романтики-потомки, следуя привычке-обычаю истолковывать всё к лучшему. А ведь это пришла та, что с косой, чтоб забрать душу смертного. Этой башни не было. Говорят, архитектор решил установить её после того, как во время строительства мемориала погибли один за другим двое рабочих. Погибли они случайно, при странных обстоятельствах. И тогда, чтобы успокоить какие-то силы, архитектор решил установить эту башню на древнем захоронении. Кое-как он выпросил у местного начальства силикатные кирпичи, воздвиг башню. Своеобразное жертвоприношение. Он намеренно оставил башню не оштукатуренной: некая недоговорённость, намёк на быстротечность жизни, хрупкость.

Спустившись с холма к древним захоронениям, Маруа посидела немного на высоком яру, глядя на реку, и только повернула назад, как увидела идущих по направлению к кладбищу зрителя с дочкой и племянником. Девочка несла кобыз. Зритель шёл впереди размеренным шагом, неторопливо. Вчера он рассказывал, что в каждый приезд он ведёт дочь к реке, к стеле со словами-назиданиями Коркыт-ата.

Вот они, перейдя через железнодорожное полотно и войдя в мелкий саксаульник на краю древнего кладбища, остановились; зритель, согнув колени, присел и прочитал молитву за упокой души всех погребённых на этом кладбище. Он читает молитву ещё раз, теперь уже перед стелой, в полуметре от которой лежат человеческие кости, прикрытые куском белой материи и придавленные осколками кирпичей с древних захоронений, и затем обходит кладбище, смотрит, нет ли каких изменений, но уходит недалеко. Перемен, происходящих на берегу, девочка, наверное, не замечает: с детства видела кости и черепа, ужаса или страха от этого не испытывала, словно с детства защищена от таинств того мира, в пределы которого вступает вместе с отцом.

Маруа подошла к Айгуль как раз в тот момент, когда девочка, раскрыв футляр, брала в руки кобыз. Она сидела на песке напротив стелы, какое-то время не отрываясь смотрела на лёгкую зыбь на реке сквозь голые ветви старого саксаульника, цепляющегося глубокими корнями за самый край обрыва, затем перевела взгляд на противоположный берег и опять посмотрела на воду. Эта юная девушка, почти ребёнок, делала всё степенно и словно творила молитву, прося и у воды, и у земли разрешения для совершения своего действия; словно обращалась к духам предков, к реке, к саксаульнику, к небу с просьбой о даровании, постижении духа кюя. Не все в своей жизни могут подняться до понимания музыки сфер.

– Какой кюй ты сейчас сыграешь?

– «Сарын», – ответила она тихо.

– Ты всегда играешь именно этот кюй?

– Не всегда. Когда как.

– Да? Какое звучное название. Ты знаешь легенду про этот кюй?

– Грустные мелодии кюя называются сарын. Однажды ветер донёс их до слуха девушек из далёких аулов Сарыарки. Напев был такой притягательный, что девушки просто не могли не пойти навстречу этим волшебным звукам. Казалось, напев раздавался совсем близко, но дорога оказалась долгой, она утомила их. Девушки заблудились. Я знаю ту дорогу через Бетпакадалу, безводную степь: проезжала на поезде. Ноги у них потрескались, покрылись ссадинами, руки огрубели, нежные лица обветрились и почернели. Одна за другой они погибали в степи, только хромая девушка осталась жива, никто не подумал бы, что она доберётся.

Протяжно, сливаясь с завываниями ветра, звучит мелодия. Как молитва-преклонение перед кобызом, извлекаемая из его же волшебных струн. Дрожь пробегает по телу от этих звуков: настолько пропитан сам воздух, сама природа, все окружение духом этой мелодии – все вокруг пронизано печалью и смирением перед скоротечностью жизни. Всюду смерть – и кости некогда сильных и властных, умных и добрых, весёлых и печальных людей... и выгоревшая трава...

Возвращались назад не спеша, зритель ушёл по своим делам.

– Ты, наверное, знаешь все легенды про кобыз?

– Не все, но некоторые знаю.

– А про «Коркыт кюй» знаешь?

– Да, учительница рассказывала, даже продиктовала, чтобы мы записали, потому что писатель Мухтар Ауэзов переложил эту легенду по-своему.

– А у тебя есть та легенда?

– Есть.

– С собой?

– Да, в записной книжке. Мугалим велела нам перечитывать иногда, потому что это поможет нам понять кюй.

– Дашь переписать? Я, конечно, по приезде домой найду, прочитаю, но мне хотелось бы услышать сейчас, здесь.

– А ещё говорят, если прийти сюда в пятницу, то можно услышать печальные звуки и можно разобрать имя святого: «Қор-қыт, Қор-қыт»⁷. Это кобыз оплакивает его, а кобыз положили на его могилу после его смерти, – начала она, немного помолчав.

– Айгуль, расскажи, пожалуйста, поподробнее.

– Коркыт-ата мечтал сделать себе музыкальный инструмент. Он долго мучился, выбирая нужное для этого дерево. Однажды, когда он бродил по тугаям и искал сухое дерево, ему встретились шайтаны. Они попросили показать им кобыз, который он в это время делал. Коркыт-ата показал, а уходя, подслушал, о чем они говорят. Шайтаны говорили, что Коркыту ни за что не сделать настоящий кобыз, потому что он не знает, что из обычного дерева не получится настоящий кобыз. Нужен только сухой ствол особой лох-джиды. Вы видели джиду? Она растет у нас в тугаях, у неё ещё листья серебристые, да ягода мучнистая, терпко-сладкая, если есть её сразу же, как поспеет. Потом она быстро червивеет, а её вкус портится.

– Да-да, знаю джиду. Как сильно пахнет она весной во время цветения! Далеко чувствуется сладко-дурманящий запах. Говорят, корни у джиды неглубокие, но крепкие, стволу приходится держаться цепко, хоть и сгибает его ветер то в одну, то в другую сторону. Может, потому лох-джиды крепче и годится для кобыза.

– Так вот, не какую-нибудь джиду, а только ту, которую сломал дикий свирепый кабан. Отец рассказывал, что здесь раньше много водилось диких кабанов. Из ствола этой джиды надо выстругать желобок, обшить его тщательно выделанной шкурой с шеи громкоголосого ревуна-верблюда-нара, струны изготовить из хвоста звонко-ржащего жеребца, укрепить их на подставке из сухого обломка тыквенки и старательно натереть струны клеем растения сасык-курай – шерешника. Вот тогда получился бы настоящий кобыз, сказали шайтаны. Коркыт-ата так и сделал. И у него получился хороший кобыз, – закончила она свой рассказ, застенчиво улыбаясь, словно смутившись, что так разговорилась.

Какая необычная судьба отведена ей, дочери зрителя далёкого аула-музея, разлучённой во имя великой музыки с родиной, родителями, маленьким братишкой!

Самые близкие люди живут здесь, в степи. Ближайший полустанок, разъезд Коркыт, находится в полутора километрах от них, вон виднеются невдалеке крыши домов разъезда. Наверное, только осознание того, что она единственная из всех учащихся не только их школы-интерната, но и всех музыкальных школ, какие только есть в Казахстане и в остальном тюркоязычном мире, почитающем дух

⁷ Легенда о Коркыте. Здесь и далее легенды взяты из Огузского героического эпоса и «Книги Коркыта» (М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1962).

святого Коркыт-ата, имеет право называться наследницей этих мест, успокаивает и утешает её в долгие зимние вечера в общежитии, в чужом городе.

Её родители и дело, которым они живут, так не похожи на то, чем занимаются родители остальных учащихся. Мать её в длинном платье, с платком, повязанным под подбородком, с распухшими пальцами красных от холода рук, с преждевременными морщинами, с бледными губами, не ведающими помады, и лицом, не знающим никакого крема, кроме вазелина. Топит печь кизяком, углём, хворостом – дузгеном да тье-табаном⁸, которые собирают сами в степи.

– Покажи мне этот тье-табан, очень уж интересное название.

– А вот, видите? Он и напоминает ступню верблюда, растопыренную, жилистую.

Деревянистые пучки хорошо держат жар, но не настолько долго, как саксаул, которого в округе уже и не осталось. У родителей хозяйство – две коровы, овцы. А ещё уборка в доме и в подворье, приём странников, хотя те и стараются обслуживать себя сами, иногда даже дрова заготовливать помогают. Вон, как тот молодой мужик, который в надежде на исцеление живёт у них по полгода, собирает хворост и кизяк в степи и возит, навьючив на ослика.

Чужой дух, дух чужих людей, разных по возрасту, по положению, но неизменно одинаковых в своём устремлении к исцелению. Чужим духом пропитаны ковры, одеяла в комнате, отведённой паломникам. Каждый оставляет после себя в их доме частичку своей беды, болезни, печальных мыслей. Кто-то уходит, кто-то приходит, и они все покорёженные, побитые жизнью. В большинстве своём люди бедные, они собираются группами, покупают в складчину овцу, чаще у смотрителя, приносят её в жертву, проводят ночь в молитвах, и снова их нет. Сколько лиц, сколько людей побывало.

А отец её всегда задумчивый, молчаливый, всегда сдержанный. Маруа видела, как он как-то, ласково взглянув на дочь, только погладил её по голове, понюхал в лоб. Вспомнила своего отца: он точно так же погладит, бывало, её по голове, да так, что и слов никаких не надо, и сердце переполнялось нежностью и благодарностью к нему...

III

Асфальт вдруг замело белой пудрой песка. Крупинки пыли поднимались в круговерти непрерывной, уносящейся ввысь. Машина въехала в эту белёсую пелену-мглу, чтобы вынырнуть через несколько метров.

Летом – суховей, так же вот поднимающий в воздух пыль и песок, зимой – снежно-песчаные бури...

У обочины дороги стоял белобородый старец высокого роста с посохом в руке. Автобус остановился. Старец тяжело взобрался на ступеньку, неторопливо вошёл и сел на переднее сиденье напротив Маруа. Снял тымак-шапку, голова оказалась завязанной платком. Снял и платок. Вытер пот.

На старце был тёплый длинный ішік, подбитый мехом степного корсака. Старики в этих краях носят обычно такую шубу, сами же и выделывая вручную шкуры, а местные мастерицы сшивают, скрепив крупными стежками. Тяжел такой ішік, терпко-тяжёлый запах у меха, но в зимнюю стужу он незаменим.

– Смотри, какой необычный старец! – шепнула Маруа мужу.

⁸ Түйетабан (каз.) – биюргун, ежовник.

– Это старик из соседнего аула по прозвищу Шыкбермес Шыгайбай⁹.

Старец невозмутим. Посох, коричнево-багрового цвета (таким бывает сухой до звона, твёрдый, будто окаменевший, ствол таволги), необычен: рукояткой служит крутой, почти в сорок пять – пятьдесят градусов сгиб ствола; другой же конец подпилен там, где он раздваивается, образуя боковое ответвление. Получается эффект наконечника фабричной трости, на кончик которой надевается для устойчивости чёрный резиновый колпачок. На берегу Сыра много таких кустарников таволги с согнутыми в разные стороны стволами, чудом удержавшихся под порывами могучих степных ветров, которые словно пытаются вырвать их с корнем.

Снежно-белая борода, кустистые седые брови, спокойный взгляд черных глаз, высокий, хотя года немного согнули его могучие плечи, – таких уж старцев почти нет. Кто может утверждать, что дух Коркыта сгинул в вечности? Даже если его образ существовал всего лишь в воображении? Должно же где-то сказаться, должен же дух его возродиться сейчас в ком-нибудь, в такие вот сложные времена? Мудрый человек, которого все почитали бы, считались бы с его мнением, обращались бы к нему за благословением.

– Аксакал, калайсыз? – обратился Кадыр к старцу.

– Шукур, благодарение небесам. Все вроде неплохо, сидел бы я спокойно и не пускался в путь, да ещё и на таком ненадёжном транспорте, как местные автобусы, да пришлось.

– Вы живете на станции Коркыт?

– Трудно, айналайын, сказать в моем возрасте, где живёшь. Сегодня ты здесь на земле, завтра – неизвестно где. И не дано нам знать, что ожидает в следующий момент, – глаза старика хитро блеснули.

– Я помню, вы жили в соседнем селе.

– Может, и так, – охотно согласился он.

Шыкбермес Шыгайбай... Добро надо делать не всякому. Не всякому оно идет впрок – старик наверняка знает сие. Лицо его так и просится на полотно. Обязательно сделаю сегодня же набросок. Смуглое, цвета бронзы лицо, гордая посадка головы, чисто выбритый череп, в противоположность лицу кожа головы светлее. Умные глаза, спокойный взгляд. Борозды морщин на высоком лбу – одна, глубокая, прерывается, а вторая берет начало чуть выше, третья – чуть ниже, следующая нависает над бровью, а тонкая вертикальная ниточкой спускается до переносицы...

После торжеств в музее всех гостей пригласили на банкет у акима района по случаю 90-летия комсомола.

Родина не бывает малой, она единственная, в маленьком ауле или городке сосредоточена вся она – родина. И если долго не был, вводит в эйфорию. Забывается, что везде и волки одинаковы, и овцы смиры. Обуревают жалкое желание быть замеченным: вроде земляки, почти родные, раз они знали твоих родителей, светлая им память.

Усадили на «восьмидесятое» место (как сказал известный российский политик). Всех остальных гостей, приехавших из других городов, разместили в центре, за столом президиума, словно это было не застолье, а собрание. А на торжестве в музее мы сидели как раз на виду и даже были обласканы: ведь в родной аул

⁹ Персонаж казахской сказки, олицетворение жадности.

приехала женщина, живущая в замужестве где-то далеко, и ей отвели, как и положено, лучшее место, называя дочерью аула, да угощали лучшим из припасов. Так что нормально, чего же ты ожидала, успокоила она себя. А ведь чем выше стоишь на холме, тем сильнее ветры... Есть и другая закономерность: сильный ветер дует лишь до полудня¹⁰. Это как раз его – акима – время. Которое до полудня. Пузатый большой начальник с короткими ножками (брюки суженные книзу, узкие носки туфель) пустился в пляс. Как же он ловко подпрыгивает! Все остальные сгрудились вокруг своего «пастыря» и, умильно поглядывая, тоже приплясывают. Старуха кричит: «Ур-р-а-а!!!» Размахивает руками над головой. Как молодая. Господи, неужели можно быть такой восторженной в такие годы?! Другая подхватывает. Придвигается седой старик в темных очках и с тросточкой. Начинает говорить. Все замирают там, где их застаёт его речь. Говорит долго, переключившись на себя, на приятные сердцу воспоминания. Дамы устают. Решают присесть. Зал терпеливо слушает. Сухая седая старушка-жена в длинном платье-костюме и на высоких каблуках пытается остановить старика. Её сморщенная, маленькая ручка, похожая на лапку обезьянки, унизана перстнями, на запястье одной руки – золотые часики, на другой – толстый золотой браслет. Трость в руках старика нервно шевелится. Общее прошлое. Прекрасное. Патриотическое, правильное, единственно верное. Это комсомол. объездили весь мир, весь Советский Союз. За государственный счет. Предсказуемо общее будущее: почётные проводы, траурный митинг. Под кладбище тоже выделяют разные участки земли. Им – где почище, где песочек. Остальным – на другой окраине города рядом с ТЭЦ или свалкой. Есть и случайные люди на балу – парикмахер, зубной врач, журналисты, переводчики. Их пригласили на всякий случай: услуга нужна. Да и знаки внимания в конверте... Им слово предоставляют скопом.

Наконец старик иссяк. Воспоминания опустошили. Народ зашевелился. Микрофон пошёл по рукам. Выпили (старушки с готовностью – тоже!), закусили, оживились, запели песню про московские вечера. Танцы. Все вскочили. Команда что ли была? Старушки-комсомолки на высоких каблуках бодренько заплясали, ноги-руки сами собой отбивали такт. Высохшие сморщенные лица слегка зарумянились, а некоторые даже масляно заблестели. От музыки забурлила кровь, проснулся каждый нерв, омертвевший было, взмокли спины, дыхание участилось. В любой ситуации – уверенность. Броня. «Наш паровоз, вперёд лети». Все блага наши. Высокие прически, стрижки, брюлики, платья, сумочки, туфельки – все в тон. Неуязвимые, неистребимые, дальновидные. Быстрые уверенные выпады. Чтобы больнее ударить. Это у остальных слезы, истерика. У которых нет тыла. И которые поотстали в дороге.

«Урря!!!» ...Почему не модное сейчас «Вау»? Почему не традиционное «Жасайсын!» или «Пәлі!»? Выбиться из общего потока сложно. Почти невозможно. Стоит высунуться – сразу же уравнивают. Потопляя. Крепко держат пути среды... В столице такие же веселушки-комсомолочки, имеющие деньги, решили открыть своё книжное издательство, пересмотрели данные всех претендентов, просеяли через сито и... выбрали снова своих – дряхлых комсомольцев. А остальным – когда? Конечно, комсомол и партия – это история, тысячи людей были и комсомольцами, и коммунистами. Но только эти больно непотопляемы, ловко приспособляются

¹⁰ «Сильный ветер дует лишь до полудня, и чем могущественнее правитель, тем быстрее после него разваливается государство» (Л. Салдадзе «Ибн Сина (Авиценна)»).

к новым переменам, новой власти. И во власти-то сидят они же сами. Старцы, озабоченные проблемами своего аппетита, знатности происхождения; каждый возносит своих предков, тем самым пытаясь возвеличить себя. Иные влиятельные и состоятельные старцы, которые должны бы уже думать о душе, о достойном уходе, тшчатся кого-нибудь ещё использовать, «припахать» или же окружить себя теми, кто может нести за них хотя бы какие-то из их каждодневных затрат.

Маститый писатель вот уж который раз звонит и просто требует заняться оформлением его книги. В таких случаях, спекулируя на чувствах малочисленного народа, тянущегося к единению и к единению непременно родственному, когда даже дикторы радио обращаются: «Здравствуйте, дорогие родственники-соотечественники!», он считает, что лучше всего установить родственные связи:

– Ты мне кем приходишься – сноха или сестра?

– Я ваша современница.

– Нет, все-таки сестра ближе, ты мне будешь впредь сестрёнкой.

– Я предпочитаю не сходитья с людьми по родственному принципу, пусть даже с творческими, и даже из числа земляков.

– А ты, оказывается, тыкылдак-трещотка...

– В нашем краю есть поезд местного значения, связывающий ближайшие населённые пункты. Так вот народ его прозвал «токылдак» – ток-ток, ток-ток – на стыках рельсов задами об деревянные жёсткие сидения.

– Мне нужно, чтобы ты продумала художественное оформление моей книги.

– Видите ли, у меня нет времени, надо сдать большую работу.

– А на кого ты сейчас работаешь?

– А я многое умею. Например, разделать тушку барана, мне бы только зарезали его, а уж я освежую.

– Гм-м...

А Слава... славный, добрый. Не выдержал. Но и не сломался. Он поступил по-другому. Ушёл сначала послушником в храм, теперь он священник. У него свой удел: в маленьком селе сам топит печь, сам варит себе кушать, исповедует, благословляет своих прихожан, держится сам и держит в своей орбите других.

Дети своего времени. Послевоенного голодного. Зловещего сталинского. Всполохов-надежд хрущёвского. Безднадёжности двуличия брежневского. Смутно-тревожного в недолгие ГКЧП. Непонятно-ликующего горбачёвского (второй Ленин?). Ошалело-радостно-грустного (разлучают со всем братством!) первых лет независимости. И вот теперь – назарбаевские – то надежда, то сомнения, то неприятие, то раздражение. И неизвестно, что будет...

В зал вошёл тот самый старец, что встретился в дороге. Проходя мимо них, он остановился. К нему уже со всех сторон направились молодые парни, организаторы вечера.

– Аксакал, пройдите на төр¹¹!

– Пойдём, айналайын, пойдёмте, – сказал он, ожидая, когда Маруа и Кадыр тоже поднимутся и пойдут с ним.

За центральным столом началось движение, несколько мужчин встали, освобождая места. И показалось, что этот старец один заменил и отца, и деда, и

¹¹ Төр – почетное место.

прадеда, и родной очаг, куда вернулась дочь, выданная замуж далеко-далеко; ни яств не надо, ни почитания аульчан...

А немного погода ему передали домбру. Любой музыкант в какой-то степени волшебник. А человек в столь почтенном возрасте – волшебник вдвойне.

Назад до областного центра добирались на такси. Случайным попутчиком оказался давнишний знакомый Кадыра, местный поэт, известный своим скандальным характером во время подпития. Пришлось ехать вместе. Он был пьян. Сизая грива (которой он изредка встряхивал), чуть-чуть не достающая до плеч, но уже на темечке прореженная временем, спадала сальными паклями, глаза метали искры, лицо было цвета меди. Он предложил Кадыру выпить. Тот отказался, сославшись на здоровье.

– А-ха, выпить со мной не желаешь. Своё ты выпил, теперь вот печёнка-селезёнка... Чё скривился? Не нравится?

Кадыр промолчал.

– А каково быть мужем якобы известной художницы? Смирись, бауырым! Это твоя судьба – сопровождать её, теперь, когда она как бы, так сказать, популярна. Нет бы, как все, – нормальную бабу взять, чтоб сидела с детьми дома. А ты простой, проще не бывает! Смирись, у тебя нет талантов. И вообще, ты скоро помрёшь!

Злобно, цинично изрыгаются непотребные слова, одно грязнее другого, перемежку с пророчествами о предстоящей скоро – через полгода, полтора года – смерти, будто у Бога узнал. «Пророчества» повторялись снова и снова, как заклинания и звучали зловеще.

– Перестаньте! – вырвалось у неё.

Тот словно обрадовался, переключился на неё. Она отвернулась.

Мелькали мимо посёлки, кладбища, холмы... словно подтверждая: да, да, да... мимо, мимо тебя скоро-скоро всё мелькнёт, исчезнет, как и всё вокруг... Болен самый близкий человек, с которым прожито столько лет...

Внутри начало клокотать, тоже злобно, тоже агрессивно. Так и готово сорваться с языка что-нибудь. И тогда она не сможет остановиться, наговорит бог знает что. О господи, как же сдержаться? Он специально провоцирует.

Тот стал говорить громче, его голос покрывал всё, словно выдавливал даже воздух из тесного пространства машины. Надо бы по-хорошему остановить машину, выйти, но когда пройдёт следующая попутка... Да и времени до поезда остаётся в обрез.

– Я дал тебе тенгушки? Деньги за проезд дал? Дал или нет? – это он водителю.

– Да-да, дали деньги, ага, успокойтесь.

– Нет, я дал тебе деньги? Вот и вези. Где моя водка? Дайте мне водку? Где сумка, там должна быть водка, передайте её мне, – потребовал он у Маруа.

– Откуда я знаю, где ваша сумка?

– Нет, вы посмотрите на эту парочку! Своё выпили, теперь они больные. Эй, экең ауызы... отца твоего... чё молчишь? – накинудся он опять на Кадыра, сидевшего рядом с ней на заднем сидении.

Она начала скороговоркой творить молитву: «О Господи, удержи меня, дай терпения... во имя Аллаха, Всемилостивого, Милосердного!»

– Так я дал бабки или нет?

Тут не выдержал водитель:

– Сейчас я высажу, если не прекратите! Не нужны ваши деньги.

– Пожалуйста, не обращайтесь внимания. Мы на поезд опаздываем.

– Ты вообще молчи, мать Тереза... А ты скоро помрёшь. Я сам тебя похороню, не беспокойся, – повернулся он к Кадыру.

– Ты не обращай внимания, он не в себе, – повернулась Маруа к мужу. – «... *ищу спасенья я у Господа людей, Властителя людей, у Бога человеческого рода от зла недоброго смутьяна, что, науцая исчезает, – кто смуту вносит в сердце человека...*»

Тот обернулся, увидел, что она что-то шепчет, и вновь заорал:

– Да, он умрёт! Похороним, ничего. Я сам похороню.

– Что вы пристали? Будто сами не умрёте, – выпалила она, не выдержав, и снова начала бормотать молитву.

Он орал, она сбивалась, начинала вновь и вновь, чтоб не слышать его воплей-изрыганий, стала читать чуть громче, поглядывая в сторону мужа, глотавшего таблетки.

Наконец, её осенило: она не собьётся, если будет повторять только коротенькую формулу зикра.

И она начала – быстро, быстро. Пересохло во рту, резь в глазах от ветра из открытого окна, перед глазами всё мельтешит, мелькает. Сглотнув, она начала вновь. Машинально отметила про себя – сто пятый километр. Когда же она начала читать молитву, на каком километре?

На какое-то время он стих, замолчал, изредка поглядывая на неё и крутя у виска:

– Сумасшедшая, истеричка! Да вы безбожница, я знаю. А тут строит из себя мусульманку... Истеричка!

– Ля иллахи ил-ла-ла...

– Дура, мать Терезу строит из себя!

Помутнело в глазах... Да, он прав. К Богу человек обращается только в трудные минуты, когда по-настоящему припрёт.

– А-ах ты гад, ты почему себе позволяешь так издеваться над нами?! Зачем ты трогаешь моего мужа, он же молчит, что он тебе сделал?

Внутри была эта тирада или меня все-таки «прорвало»?.. Кажется, всё-таки клокотало во мне...

Ведь он сам постоянно думает о смерти, он ходит по грани. Он говорит о смерти вообще. Ему кажется, что он не боится смерти. Бравада или и вправду готов?

Наконец, вот уже и окраина города. Теперь на поезд и домой.

IV

У центрального входа в парк (дорожка вдоль его ограды по внутреннему периметру около двух километров – давно посчитано местными пенсионерами, для которых она стала тропой терренкура) стоит стела из благородного камня, напоминающая надмогильную, своего рода балбала современности, с надписью: здесь, мол, будет построен всемирный центр казахов. С восточной стороны над ограждением парка нависают трех-четырёхэтажные дворцы богатых. Некоторые из них, наиболее смелые, давно отхватили себе у парка куски по восемь-десять

метров, отгородив, засадив деревьями и создав таким образом защитную от простого народа лесополосу.

Хозяин вновь построенного коттеджа оказался более наглым: отрезал намного больше, заняв ту самую терренкуровскую тропку. Завершение строительства своего детища он ознаменовал густой посадкой в форме буквы «П» довольно крупных саженцев тополей, может быть, следуя примеру одного восточного народа, обозначающего этим действием рождение сына, которому надлежит в будущем использовать эти тополя при строительстве крыши уже своего дома. Маруа остановилась, прикидывая, сколько же метров он отхватил. Рядом из-за густой листвы старой яблони неожиданно застрекотала сорока: у неё, видимо неподалёку, тоже свой шарообразный дворец с прореженной, словно для обозревания округи, укладкой веток посередине.

В конце тропинки показалась женщина. Оказалось, это была та самая Рая, с которой познакомились в поезде. Похожа на подростка, в узких черных брючках. Болезнь что ли какая сушит её, высасывая все соки – худющая. А ведь состоятельная, может позволить себе и подлечиться, и отдохнуть в хорошем санатории. Как живётся? Ничего живётся, помаленьку. А как она сама? Да обыкновенно. Старость будит рано. Да-да, это мне тоже знакомо. Ну, ты ещё молодая. Да не такая уж и молодая. Так вот, она и сегодня утром еле встала. Да? Интересно, как она живёт, неужели одна со своим стариком в их огромном доме?

Кадыр рассказывал, будто она внесла деньги в доленое строительство. Даже приобрела несколько квартир, купила и участок. Также своего рода талант – уметь собирать копейка к копейке, уметь охотно носить чьи-то обноски, никогда не показывать свои возможности и копить, копить денежку. Кому она их оставит?.. Говорит, у неё есть дальние родственники, они иногда появляются в надежде угодить ей, поживиться чем-то. Но вскоре, видимо, после того, как разругаются, исчезают на время...

Что-что? Остеохондроз? Она подробно начинает рассказывать, как, кряхтя, поворачивается сначала на бочок, упираясь руками о край кровати, затем медленно поднимается и садится, потом, опершись о край тумбочки, поднимается на ноги, с трудом разогнув спину. Ноги как ватные. Как назло, сегодня в спину стрельнуло. Еле передвигая ноги, она кое-что все-таки прибрала в доме. Домработница? Ну, есть там одна, ходит, но лучше уж она сама приберёт, та ленивая, всегда что-нибудь не так сделает... В утренние часы время тянется особенно медленно. Раньше десяти нечего и думать звонить родственникам. Уже неделя, как они не звонят. Не надо бы обращать внимания, не брать в голову. Чтобы не скапливалась обида, надо бы самой первой и позвонить. Но она не спешит. Разговора может и не получиться: детей – в садик-школу, мужей – на работу, времени у них в обрез. Будут отвечать неохотно, натянуто. В молодости много забот-хлопот. Не стоит обижаться на них. Докучать лишними звонками тоже не стоит. Не так ли?.. Неделю не выходила из дома. Сегодня только вышла. Конечно, гуляет во дворе, но это совсем не то, не с кем и словом перемолвиться. Надо чаще в парк выходить? Что значит выходить? О, да-да, я это по себе знаю: одеться надо приличнее, замазать серость на лице, нарисовать подобие бровей, закрыть большими очками уязвимую часть – глаза. На это нужно время и желание.

Один поэт назвал этот возраст периодом полной луны. Это значит больше шестидесяти. Полная. В отличие от ущербной. Луна нальётся, потускнеет-пожелтеет,

пойдёт на убыль. Исчезнет совсем. А ведь она всего лишь не «здесь», она набирает силу, чтобы возродиться вновь. За моментом исчезновения – новое возрождение. Оказывается, обратную сторону Луны с Земли не видно и вовсе. Наступит элиара – смутное, неуютное время, пока не народится молодой месяц... Но появится тоненький серпик месяца и... вновь – надежды, вновь упования... Человеческая жизнь в чем-то схожа с лунным циклом: рождение, детство, отрочество, юность, молодость, зрелость и так называемый третий возраст – постепенное старение. И, наверное, правы те, кто утверждает, что человек, так же, как и Луна, не исчезает совсем, а просто его жизнь поворачивается той стороной, что не видна с Земли. А это возраст противоречивых ощущений, иногда искажающихся жёлтым, словно полнолунным, отсветом осознания завершающегося цикла, мысли о собственном центростремительном движении – от периферии-детства к центру-зрелости... А как бы хотелось при этом верить в воскрешение-возрождение – в центробежность движения человеческой жизни – к травинке ли или к облаку...

И когда жизнь вступит в полосу полной луны, как хорошо бы, как и Луна, дарить свой пусть тускловатый, но свет и близким, и незнакомым, чтоб успели они заложить фундамент каких-то важных для них дел.

Что-то заставило Маруа поднять глаза и всмотреться в небо. Что? Не могла сказать, что именно. Будто толчок какой-то... Облака – обыкновенные, светлые, перистые; они неслись к северу, хотя вроде ветра не было. Сняла солнцезащитные очки, чтобы лучше рассмотреть, вытерла заслезившиеся глаза. Странно, что в такой ясный солнечный день облака неслись, соединяясь, сливаясь, неслись быстро...

Жарко. Сопрела от ходьбы, голова вроде даже немного закружилась. Может, просто показалось, что облака стремительно несутся? Отвела глаза, чтобы немного погода вновь поднять. Теперь показалось, что они неслись по направлению к югу, то есть в противоположную сторону. Так к югу или к северу? Куда же все-таки они несутся?.. Несутся ли они, эти облака вообще? Что со мною? Или с миром?

Да-да, я слушаю, слушаю... Как поживает ваш муж? Да что муж?! Два старых человека остаются в гнезде. Продуваемом ветрами. Уже кое-какие веточки, соединённые, так сказать, общими усилиями, расклеились дождями, осенним ненастьем и снегами долгой зимы. Наступит время, когда в гнезде останется только кто-то один. И продувать будут уже все ветра. Какие только есть... Так что нет разницы – мужчина ты или женщина. Ты – существо. Уже безликое, беззащитное. Как-то по телевизору выступал сын Райкина, Константин Райкин. Что-то говорил об артистах, играющих людей намного старше себя по возрасту, что старость – удивительная пора, в ней есть свои прекрасные черты, что это возраст, когда каждый день идёт смертельная борьба между жизнью и смертью... Вот она старость. И что же делать? Киснуть, все время прокручивать былое, спорить, убеждать в мыслях кого-то из прежней жизни, оправдываться, депрессировать? Бесконечная цепь из внутренних монологов, упрёков, молчаливых обид на близких. Ходить из комнаты в комнату или валяться в постели и вспоминать, вспоминать, вспоминать. Жизнь состоит из отдельных периодов: один, второй период, третий... Суета. Работа, одна, другая. И пролетела-то быстро, эта жизнь. Порой и самой не верится, что уже давно пенсионерка. Казалось, всё спуски да подъёмы. А оказалось, были одни спуски. К старости, к этому одиночеству, к тишине в комнатах, к постоянному звенящему шуму-тишине в ушах.

Как племянник, что был тогда в поезде? А что ему сделается? Он купил новый дом, взамен домика на Розыбакиева. Снесли его старый дом, который она же, его тётя Рая, и помогла в своё время купить, заплатив всю сумму, а он расплачивался с ней из своей зарплаты, которую сама же платила ему. Как-то сказал прямо, что мы, тате, были у вас прислугой. Она, конечно, была обижена, что такое говоришь. Так он несколько раз повторил, глаза даже выпучил, да-да, мол, были прислугой, были в услужении. Чего только не вытерпели. Вот что значит – делать добро. Говорит, бог, наконец, помог им... повестка-извещение из КСК, акимата, вызов в банк, деньги... огромные деньги... Что случилось с миром? Квадратный метр жилья под снос стоит такие огромные деньги, особенно в его районе. Огромные деньги, о которых и не думал мечтать – на руки, остальные – на счет в банке (а до этого сроду счета не было в банке). Затем он заплатил, слышали, за три двухкомнатные квартиры с долевым участием. Вот потому и мозги набекрень – не поспевают мозги-то за такими деньжищами. Теперь у них мелькает тёмная ликом худая женщина-прислужница. Новая мебель, пол застелен коврами и дорожками. И лица у самих уже другие, раздобревшие, сами налились, раздались вширь. Подарков понадалили гостям, даже прислужнице, при всех, играя на публику. Но что такое подарок богатого бедному? Богатый хочет показаться щедрым, добрым, но для него это ничего не стоит, тогда как бедный не может этим же ответить богатому. Это не благотворительность. Это даже не подаяние. Это заигрывание, чтобы создать видимость, что они на равных. Говорят, жаднее богатых только вчерашние бедные. А я бы сказала, что внутри они остаются покрытыми мхом, как камни вдоль горной речки, обросшие зелёным или красным мхом, которому суждено зеленеть или буреть, но не светлеть.

Слушай, пойдём со мной на собрание (я называю по старинке это собранием, хотя они сами называют по-иностранному). Я хожу туда от нечего делать, просто пообщаться, и даже стала членом клуба, приятельница моя туда ходит...

Странно, но облака напрочь вылетели из головы. Вспомнила о них только к вечеру.

Как и условились, Маруа с Раей встретились в парке. Офис английского клуба путешественников (как значилось в рекламе) располагался неподалёку. У здания их встретил молодой мужчина лет тридцати пяти – сорока, очень говорливый и шустрый, с печатью аульного тамады на лице, несмотря на наличие хорошего костюма и галстука.

– Проходите-проходите! Хорошо, что пришли. Это ваш выбор. Надо жить по-новому. Надо начинать жить по-новому: путешествовать. Удача в ваших руках. Надо только долго не раздумывать, надо работать. Я всех своих знакомых спрашиваю: у тебя есть в кармане 100 долларов? Нет? А чтоб были, надо заниматься настоящим делом. Наслаждайтесь жизнью, живите с удовольствием. Зарабатывайте и путешествуйте, и вы увидите весь мир, причём за небольшие деньги.

Наконец, устроители решили начать свою ассамблею, как значилось их сборище. Дама, которую представили платиновым лидером, чертила на доске схему, состоящую из кружков, которые, в свою очередь, складывались в своеобразную пирамиду. Она так и сыпала непонятными словами из английского языка. Зал был полон. Кого только не было: и домохозяйки, и русские женщины-пенсионерки

с внуками (похоже, вышедшие с ними погулять), и бойкие молодницы, словно с первых торговых рядов на базаре, и девицы в хиджабе, и благообразные старички.

Платиновая дама не скупилась на посулы. Каждый кружок означал очередную ступеньку в карьере и представлял собой в денежном выражении определённую сумму в долларах. У всех алчно разгорелись глаза. Выступление перемежалось видеороликами с гремящей музыкой, будоражащей кровь, то приливающей к лицу, то отливающей: можно и заработать, можно и путешествовать. Естественно, музыка была тоже западная, она вселяла то сомнения, то решимость, тревожила, но и увлекала.

А может, все-таки кто-то из них на миг призадумается, что уж больно расположение кружочков напоминает пирамиду?

– Я потихоньку пойду, – сказала Маруа на уху Рае.

– Чё случилось? Тебе плохо?

– Нет.

– Ну, потерпи, дослушай до конца. Счас будут выступать те, кто приехал недавно из Дубая, рассказывать будут, они пробыли там десять дней.

– Нет, я пойду.

– Ну, смотри...

На крыльце стоял тот же мужчина и с кем-то разговаривал. Он сразу же переключился на выходящую из зала Маруа:

– Подождите, куда вы?

– Я пойду... До свидания!

– Подождите-подождите, не торопитесь, выслушайте до конца, посидите ещё

– Нет-нет, не могу, нет времени.

– Ну подождите, вы же ничего не поняли. Вот перед вами миллионер, это – я!

– Ну, что ж, хорошо.

– Как говорится, горе от ума. Вы умный человек, но надо понять, что всё это элементарно, там эта женщина слишком мудрит, объясняя, всё это ерунда. Я объясню вам в два счета – понятно и просто, подождите до конца ассамблеи и мы поговорим с вами.

– Не мо-гу.

– Ну послушайте, не торопитесь делать выводы. Не рассуждаете по-казахпайски.

– Что значит по-казахпайски?!

– Вот я, например, у меня три диплома, – он начал загибать пальцы и считать:

– Экономиста, юриста, инженера. Но я зарабатываю здесь больше, чем если бы работал по специальностям.

– Ну и хорошо. Всё! Некогда мне.

– Подождите, – мужчина не отставал, – подождите, давайте поговорим после окончания ассамблеи. Это недолго. Или же придите завтра, в три часа дня.

– Зачем вы так хотите, чтобы я осталась? Вам-то что до меня?

– Я хочу, чтобы вы заработали миллион!

– А почему не два миллиона? И почему это вас заботит?

– Ну, пусть два миллиона, но вы сейчас не хотите подумать. Понимаете, это и есть, как говорится, горе от ума.

– Слушайте, бросьте не к месту употреблять эти слова! Всё, пока.

– Ну, я прошу вас, подождите, вот вам моя визитка, обязательно приходите завтра в три часа. Мы поговорим. Просто я хочу, чтобы у нас в стране, первое – чтоб не воровали, второе – чтоб не убивали, третье – не голодали.

– А я тут при чем? Чем могу помочь для достижения столь высоких ваших целей? Пожалуйста, занимайтесь, чем хотите.

– Да, я хочу, чтобы не воровали, не убивали, чтобы не было преступлений. Чтобы зарабатывали миллионы.

О господи, да он весь напичкан лозунгами.

* * *

Резко зазвонил телефон. Надо бы поднять, кто бы это мог быть? Нельзя же все время прятаться и выслушивать оставленные сообщения.

– Привет, дарагая!

– Здравствуй.

– Как дела... как живётся?

– Что... так-то... с придыханием? Что могло со мной случиться?

– Так гаваришь – все нормальна? Ну, славааа богу... всё... всё... малчу.

– А у тебя-то всё нормально?

– Ты знаишь... мне инфармация пришлааа...

– Ну валяй, ладно... у меня сегодня хорошее настроение... чеши.

– Ну, что ты так?! Панимаешь, инфармацияа. Знаки были. Ты меня панимаешь? – она выжидает, дыша в трубку, затем, воодушевленная тем, что её слушают, продолжает, видимо, подняв глаза к потолку. И строит гладкую речь, меняя интонацию-тона, облюбовав какую-нибудь гласную в середине слова или в конце, растягивая её и прислушиваясь к себе.

Она из тех, кого вдохновляют слушатели, из тех, кто оттачивает своё ораторское мастерство на других. Маруа обычно терпеливо и долго слушает, боясь обидеть, но в конце концов срывается на мелочи, и тогда ей этого долго не прощают (поэтому у неё мало подруг). Некоторые пламенеют-немеют от красоты и непонятности слов, обрамлённых растягиваемыми «а-а-аа-а-уау» и оттого завораживающих.

– Панимааешь, в ообщем, знаки. Знаки, кааааторые я, к сщаастьюу, умею-ю расшифроовывааать. Так воот, дарога-а закрыта, «анин» заакрыли мне дароогу-у. Я не могу прарваааться, всё заакрыта. Я наачинаюу бааалееть. Ждууу, кагда «ааанин» аткрооют мне-е даароогу-у.

– Ну, хорошо.

– Мнее вчиираа паазваанили. Севодня и эти дни – эта вееликиие дни. «Там» все моолятся, идут к храму, в аашрааме-е идут бдения, всё украашенаа, заж-ж-ж-еены благаавоония. Великийий Сааид-баабаа выхооидит к люоудям, дааает блага-ааа-сла-авееение, гааваарит а нииниспа-ааасланнойий блааагаадаати, а светаазарноммм явлении-ии. Эта-аа блаагаадааать ааашущаается и здеесь. Я прииииспоолниинааа этаай иинергииией, я чуфффствуюу и ваааспринимаюуюу блааагааааловениее Сссаиддд-баббы.

Она ещё долго говорит. Наверное, вся светится, глазки антрацитово блестя, смуглое лицо начинает пылать темным румянцем, на концах губ собирается серая слюнка-налет. Восторг и благоговение переполняют её. Надо же, как она... неужели

так предана чужой вере, так чувствует её? Многие своей-то не чувствуют. А как же религия предков... раз она такая чувствующая?

Как-то Маруа тоже пошла с ней посмотреть, что за древнее святилище нашли на холме на окраине города. На горе в юрте жил мужик-смотритель. Домик для него только строился. Он собирает деньги, продаёт кучу ксерокопий по полторы тысячи каждая, плюс за чтение Корана надо заплатить. Рядом вывеска: «Зям-зям суы» и вода в пятилитровой бутылки из-под «Серебряной». Говорят, источник из самой святой земли. Как она сюда попала? А по подземным каналам по воле Создателя. Вода тоже не раздаётся даром. Свои святые, своя святая вода, свои ксерокопии со своих святынь. Просто так не уйдёшь: чувствуешь себя преступником, если не купишь их.

А на горе благостно, спору нет. Весной хорошо, наверно. Хотя и сейчас неплохо. Город как на ладони. В дымке. Все работает на благолепие, благоственность. Зима, но тепло. Почки сирени набухли. Они оголённые, зелёные. Вороны. Черные и серые. Никогда не замечала рядом – серые и черные. Ах, да – вороны и галки.

– Так, ну и что?

– Да слаамаалась мааашиина!

Ещё одна проблема для женщины за рулём. Такой, как она. У неё проблем много. Как будто кто подкидывает ей нарочно. Вчера приехала с могилки «трёх аташек». Они её хорошо «приняли». В общем, по дороге назад сломалась машина. Это знак. В отчаянии – звонок маме. Там же, на трассе. Не дозвонилась. Звонок подруге. Несчастье сливается в трубку-у. Теперь гораздо легче. Но нужны деньги. Где взять? Звонок другой подруге. У той свои проблемы. Приходится выслушивать. Негатив льётся в трубку назад. Надо поработать над этой проблемой. Надо отработать, надо помолиться. Давай помолимся. Подруга согласилась. Все. Баланс. Отработали. Ух, легче. Так, но где же взять деньги? Занять. А как отдавать? И так в долгах как в шелках. Ну, ладно, посмотрим. Муж прийдёт потом. Он в Астане. У него там проект один крупный. У кого занять? У той брала, у этой – тоже. Так, зажечь семь свечей. Помолиться. Должен быть знак. «Они» подскажут. Помолилась. Легче.

– А сколько надо-то?

– Да ниимнооожкаа. Чтооб атримаантировать мааашиину.

– Какая полонка?

– Да мееелкаяа. Какаая-тоо чоооорная паласаа. Как прислеедует. Всё быт заиидает. И кагда будет хватаать? Паласааа неудач. Рааботы нет. Абыбы какую не хоочитса. Навеерна, нада ехать в Унгыртассс! И как следует памалиться. Ой, пададжи, не брасай трупку, сотка звонит. Эта муж. О Сааабрик, накануне-та! Што, как дела? У меня как дила? Да неважна. Што такое? Машина сламаалась. Деньги нужны срочна! Вышлиишь? О дарагооой, спасииибо бальшооооо. Кагда вышлиишь? Завтра? Ооо...Пака-пака. Цылую. Спасибо агромное, дарагоой. Он высылает деньги, ты слышиишь? Нада памалиться. Вазблагодарить Аллаааха. Саиид-бабааа, спасииба тибе. Спасиии и сахраниии. Иедуу в Унгыртаас! Тыи чёооо мааалчиишь?

– Чего?

– Чтоо мааалчиишь, гаварю?

– А что сказать-то? «Помолись» лучше.

Опять телефонный звонок. Трубку поднял Кадыр.

– Привет, Кадыке! У меня тут вышла статья, я купил лишний экземпляр, хочу занести.

– Давай-давай, заходи. Рад за тебя.

Илья одет в светлую куртку, футболка под ней кораллового цвета, брюки чёрного – как всегда тщательно подбирает цвета. Сощурившись, подозрительно смотрит, сверлит взглядом. Ну что ж, сверли-сверли, что можешь высверлить если мы терпеливы к тебе, выслушиваем твои всегдашние монологи, отравленные ядом раздражения, злости, обиды к миру, который не спешит тебя признавать. Что поделаешь, удел всех творцов. Ты ведь уже зарабатываешь литературным трудом (не романом, не поэзией), а пьесами, сценариями. Разве этого мало? Это и есть признание. А вот я, по-видимому, устала: уже не рвусь.

Маруа встает и вытаскивает из духовки противень, на котором уже истомилась в фольге рыба.

– Не суетитесь! Сядьте!

Это он ей. Он нарочито строго выговаривает: ему неудобно, что он доставляет хлопоты.

– Сейчас. Сниму только рыбу.

– Не нужно. Ничего не надо.

– Но надо же остальным подать.

– Вот так всегда. Суетятся-суетятся. В этом доме эти двое.

– Не могу же не угостить гостей хотя бы чаем.

– А чай нам не нужен. Нам нужна беседа. О литературе, об искусстве...

...все ушли ...в доме тихо ...свет тусклый... и опять эта мелодия... она что-то напоминает... может, запомнилась своим благозвучием и навеивает какие-то ассоциации...

...кто-то борется с болезнями кто-то – с пороками...

Тяжёлое пробуждение-протрезвление, постылая явь... Снова забытье. Сон не сон, явь не явь. Долбаная память услужлива: всегда подсовывает самое неприятное тогда, когда тяжелей всего. Да, вчера, она, конечно, разошлась. Илья съязвил по какому-то поводу. Она, конечно, разошлась. Бесконечные монологи, доводы, оправдания... Ещё один прожитый день, бесконечная череда серо-черных дней и ночей, похожих на все предыдущие. Говорят, надо мало есть и мало спать, что в засаде та, которую принято представлять с косой, и неизвестно, когда она настигнет, и надо, мол, бдить, чтоб не застала врасплох¹². Как это сложно: мало есть и мало спать, а пить по-хорошему – вообще бы завязать.

Накинув халатик, Маруа ставит на плиту чайник и идёт в ванную. Подняла глаза в зеркало. Боже, что за лицо... опухшее, серо-жёлтое, крашенные под блондинку жидкие волосы висят по бокам, а на затылке одна прядь вообще включена. Морщинистая шея... Жалкий вид, виноватый взгляд. Изжёванная, но все ещё молодящаяся.

...Сколько же времени? Во дворе тишина, ни звука машин, ни голосов людей. Сегодня какой-то праздник – как много их развелось, – и в этот раз он, говорят, длится дней пять. Господи, какая разница?.. Что праздники, что будни. Хотя в праздники тяжелее почему-то, тоска одолевает больше, и дни кажутся длиннее.

¹² Из «Мудрости суфиев» из проповеди Иоанна Павла II.

Эх, махнуть бы куда... а куда ехать-то? А почему бы не к Коркыт-ата? Представилось, как она наймёт машину, выедет со станции Джусалы, а по мере приближения к разъезду Коркыт местность будет меняться, появятся довольно высокие холмы с пологими склонами, изрезанными дождевыми промоинами, проточинами талой воды; на вершинах то одинокий мазар, то указатель-шест. Всё будет становиться приятнее глазу, спокойнее душе. Эта местность на языке то ли топографов, то ли геологов очень ёмко называется всхолмленной равниной – не холмистая равнина, а именно всхолмленная, словно кто её нарочно приподнял местами. Туранская равнина, легендарный Туран.

Телефон трещит, разрывается, поднять, не поднять?..

– Маруа, привет! Сразу же говорю: звоню, чтоб покаяться: виноват-виноват! Вчера я, кажется, наговорил лишнего.

– А... аа.

– Что собираетесь делать сегодня? Хочу загладить свою вину, пригласить вас с Кадыром в кабак.

– Да не надо, спасибо.

– Ну, как скажете. А все-таки подумайте, отдохнём, поговорим.

– Не, у нас другие планы.

V

Накануне 1 мая, следуя многолетней традиции (по примеру одного знакомого филолога), Маруа перечитала «Вальпургиеву ночь» Густава Майринка. В который раз попыталась разгадать загадку этой книги.

Ночевать перед Вальпургиевой ночью остались в селе в строящемся доме сына. К вечеру из-за пустяка Маруа повздорила с мужем. Кадыр лёг спать, не ужиная. Свет потух, она долго лежала, прислушиваясь к тишине и время от времени посматривая на часы при свете карманного фонарика. Было далеко за полночь, когда, наконец, заснула. Проснулась рано, часов около шести. Муж, не завтракая, работал в саду.

Вдруг дом затрясло, она не сразу сообразила, что это землетрясение, и выбежала, когда всё уже прекратилось. За те сутки после Вальпургиевой ночи потряхнуло около десятка раз. Как ничтожны её страдания: каково японцам с их Фукусимой.

Господи, Кадыр не завтракал. Самый дорогой, родной. Терпеливый, любящий.

Света в селе снова нет: сгорела проводка. Соседи беспокойные. Скаковые лошади, которых накануне завезли в двух огромных машинах и загнали в обширное подворье, бьются время от времени о хилую стенку профнастила. Хозяева стерегут их, высвечивая пространство светом фар – завтра кокпар¹³. Часов в десять поднялся сильный ветер, но вскоре стих. Не спится. Сквозь большие окна струится лунный свет. Слышен откуда-то издалека лай собак. В полночь выключили фары, все стихло, лошади утомонились.

Наутро цепочка всадников потянулась к небольшому ипподрому у трассы. Чёрные, словно прокопчённые лица, фигуры, ряженные в выдавшие виды национальные костюмы, сшитые из дешёвых блестящих китайских материалов.

¹³ Көкпар (каз.) – национальная спортивная игра.

На окраине села на новых участках только-только, несмело, начинали строиться, потому ещё пели жаворонки, мелкие певчие птички, которых здесь называют наурызык, полно ласточек, кукушек, сорок. Через забор в поле в высокой траве можно было найти гнезда жаворонков. Гнезда жаворонков – это настоящее архитектурное сооружение: внешняя сторона состоит из искусно сложенных более крупных почти одинакового диаметра (словно их измерили специально) сухих стебельков с засохшими листьями, края и верх – из прутьиков поменьше внутри гнёздышка – очень мелкие соломинки, а дно устлано листочками мягкой, нежной травы. И каждый пруттик – важная составляющая, «несущая балка», которая, в свою очередь, скреплена «связкой», а само переплетение напоминает метод плетения корзиночки из ивовых веток. Любовно, тщательно построенное светло-серое здание.

Была середина мая. Звала в ночи какая-то птица, один-единственный сверчок стрекотал несмело. И при свете полной луны молодой мужчина, оралман из Китая, рыл неподалёку траншеею под фундамент своего дома. Только слышен был иногда приглушенный стук лопаты о мелкие камни. Соседи так и заснули под этот звук. Рано поутру он уже работал. А ночевал тут же в шалашике, который сам соорудил. Днём к нему приходила жена с грудным ребёнком, ютившаяся у кого-то в селе.

Пройдёт несколько лет. Кругом всё будет застроено. Те же самые или похожие всадники в блестящей одежде появятся вновь. Но не будет уже жаворонков, не будет и наурызыков, даже ласточек, не говоря уж о зелёных щурках. Но будет луна нарастающая, а через минуту уже убывающая – как бы и нет полноценного полнолуния.

Телефонный звонок.

– Что? Свадьба? Когда? Даже не знаю, смогу ли поехать, я тут как привязанная, столько стройматериалов, да и вообще. Обидится? Ну, что поделывать? Дела-то сына ближе. Нет-нет, не могу поехать.

На границе с другим соседским участком сын наконец поставил забор. Слава богу, хоть какое-то уединение: жизнь в открытом поле на виду у соседей напрягает. Вдруг... забор запестрел коврами соседей: словно они только и ждали, чтоб подсушить их на новом заборе. Непосредственность, прямо-таки детская, – напоминают о своём присутствии постоянно.

Стук в ворота. Сосед из дома напротив. Чего? Мы вылезли на улицу? На два метра? Да мы в таком виде купили! Чего? На сайт облакимата? А господу богу не написал? Чем мешает тебе этот угол? Ты тоже вылез, судя по ряду домов на улице. Не на красную ли линию вылез? Так получается, ты мне тоже мешаешь. Ну-ка, уходи отсюда! Попридержи язык! Язык, говорю, попридержи!!! Уйди отсюда! И собака уходит, когда прогоняют. Иди отсюда! Пиши, куда хочешь!

Незаконные два метра... Надо выкупить да узаконить. Но... как ходить по акиматам с просьбой о двух метрах?! Звучит-то как трагикомически – два метра земли!..

Что мне, «потом» что ли не достанется?.. Ну его, отдать надо.

Снова тревожные будни...

Что случилось? Господи, у соседей громкий плач-вой.

– Что? Умерла мать? Когда? Только что? О Алла! Как случилось?

– Возле дощатого туалета во дворе работали мужики, она постеснялась зайти, пошла в соседский, а когда шла назад, свалилась по дороге.

– И сразу скончалась?

– Да, сразу. Заметили минут через пятнадцать-двадцать, сбежались, а она... уже... отлетела душа... словно птица слетела с ветки.

– А вчера только весёлая была, говорила, что собирается взять участок, строить дом. Господи, какая жизнь короткая, в бестолковой суете да маяте.

Среди подруг покойной несколько женщин почтенного возраста с причёсками из льянных волос – модно стало красить жёлтым.

У неё тоже седина лезет. Забавный вид – прямо на лбу вылезли короткие, жёсткие волосики и торчат, словно проводя линию между ею прежней и ею нынешней, как и должно быть. И, видимо, не улягутся, пока не отрастут побольше. Пусть себе лезут – они ей даже нравятся, вид озорной – разве что посеребрённый. Сколько оттенков у седины: и пепельно-серый, и снежно-белый, и голубовато-ослепительный, и с желтизной...

Далёкий пращур ушёл доживать свой век в подземелье: посчитал неприемлемым для себя жить на белом свете больше, чем пророк... а тут какие-то волосы...

Звонит сотовый. Он, как костры древних огузов, разжигаемые на Высокой горе в случае необходимости сообщить что-то: один костёр даёт знать, что готовятся празднества, два – предупреждают о грозящей опасности. А у нас за все отвечает телефон, и не знаешь, какую новость ждать. Что? Кто? Боже мой, он ушёл в ночь Предопределения? В два ночи. Это не случайно. Он выбрал именно эту ночь, известно же, что тибетские монахи могут выбирать время своего ухода. Он верил, как и все философы, в Абсолют, в Создателя. Он никогда никого не осуждал, не обижался ни на кого, не обращал внимания ни на чьи суждения. Что близкие не успели сказать ему? Пожалуй, он знал всё сам. Понимал, прощал... А ещё эту ночь называют ночью святого Кыдыра. Может, святой Кыдыр и увёл его с собой. Вослед ушедшим может уходить только молитва. Не стоит жалеть ни о чем. Он был сильный. Он вобрал в себя мудрость всех Главных Книг на Земле. Он знал всё. Или почти всё. Надо жалеть оставшихся – успеют ли что-либо постигнуть?

Опять телефон. Кто бы это мог быть?.. А... сестра...

– Привет.

– Привет-привет.

– Придётся ехать к этим ненормальным, – с ходу сказала сестра.

– А что случилось опять?

– А у них батареи лопнули. Поругались и назло друг другу не топили печку два-три дня. В такой-то мороз. Вот трубы и лопнули.

– Боже мой! Что же теперь делать?

– Ну, для начала – ехать туда. Надо отвезти им масляный радиатор, у тебя вроде был такой.

– Да, надо посмотреть в подвале, вроде был, если Кадыр не отдал кому-нибудь.

– Надо везти. Баба позвонила, она в растерянности.

– Ну да, сейчас, конечно, в растерянности, псих прошёл, наверное, задницу отморозили. А может, не ехать? А их позвать сюда, пусть поживут, пока не вос-

становят отопление. Даже собак и кошек жалко. О господи, опять у бедолаг расходы.

– Ты ведь знаешь Жамал, нашу дальнюю родственницу, помнишь её? Так вот она, по-моему, не прочь купить их дом. Скорее бы уже продать его, надоели уже со своими проблемами.

– О ком говоришь? Та старуха, родственница со стороны отца?

– Да, она самая. Говорит, лет через пять он будет стоить в разы дороже.

Да... пять не пять, но через какое-то время дом действительно будет стоить намного дороже. Что-то стало подниматься к горлу, словно изжога, начало подползать и жечь. Стало нехорошо и не по себе. Поняла: это ей жалко, если дом купит та родственница. Да-да, особенно та. Почему бы самой не купить?.. Вот было бы здорово – своё родовое гнездо...

Надо успокоиться. У неё же свой дом, ничуть не хуже. Купить тот? А зачем? Нравится? Да, нравится, из окон хороший вид, комнаты светлые, окна большие. Ну, хорошо, дом хороший. Но это же зависть, чёрная зависть. Она же не была раньше такой завистливой. Боже, зачем ей тот дом, это же осиное гнездо, которого нормальные люди сторонятся: ненароком ужалят кишасщие в нем злые обитатели. Недаром ведь в народе говорят: бүлінген ұйден бүлдіргі алма – ничего не бери из порченого дома.

Внутри продолжало клокотать. Понятно, что раскусила эту хитрюгу и сама хочет отхватить лакомый кусочек. Но ведь никто не покушается на этот кусок, а только разговоры да разговоры вокруг.

Как-то один знакомый, русский, спросил: что это, национальная черта – не замечать сделанного добра, относиться свысока, по-барски? Самый главный порок казахов – это, наверное, зависть. Откуда она идёт? Может быть, от обычая токальства: дети, рождённые от младшей жены, лишены привилегий, а в некоторых случаях и наследства. Но ведь обычай многожёнства идет исстари, из Ветхого Завета. Ни годы лихолетья, ни пережитые беды не смогли уничтожить зависть. Нет свободы от зависти. Может быть, отсюда привычка унижать, делать других рабами? Один знакомый богатей-старик (говорят, у него табун лошадей чуть ли не в сто голов) ставит в положение служанки-күң (даже не раба-күл) всех, кто, уважая старость-возраст, молчит и уступает всем его прихотям и капризам. Так копятя бесщётные обиды. И если обижаются, то уже не общаются, обходят стороной. Здесь бы поучиться у других народов, которых беды научили прощать всё своим собратьям.

Некоторые бросаются из крайности в крайность. Сегодня – одно, завтра – другое. Сегодня они готовы отдать последнюю рубашку, а завтра – разорвать на куски того, кто отказывается отдать им свою рубашку¹⁴. Разорвать не разорвать, но обида остаётся... Это, наверное, про неё.

Визгливый женский голос начинает выкрикивать грязные, бранные слова. Визг переходит в истерию. Голос становится похожим на лай, заглёбывающийся вновь подступающими словами, теснящимися в горле, ищущими выход, пытающимися вырваться, вылиться, выплеснуться, выброситься, как вонючая рвота, обжигающая язык горечью желчи. Рот перекошен, в глазах бешеный блеск. Её суть – мелочные эгоистичные обиды на весь свет. Это про «неё».

¹⁴ «Сегодня они готовы отдать последнюю рубашку...» (П. Успенский «В поисках чудесного»).

Молчаливое неприятие, завистливость, жадность. Преступное равнодушие. Паразитизм. Внешне – спокойствие и благопристойность. Она – из вечных «рабов». Это про «ту».

И вина... и несчастье... и порок... и как их избежать?.. Как сохранить человеческий облик?..

– Может, позвать муллу из мечети и почистить дом?

– Нет. Ну что он, прочитает без души. Лучше сама, как умею.

– Да, действительно, его надо ещё привезти-отвезти, заплатить за вызов.

– Это бы ничего, но он бездушно прочитает. Равнодушно.

Из двухэтажного дома, стоящего на холме, раздавались крики. Они словно вспарывали тишину вокруг. Женский голос бился в истерике, то истошно взвизгивая, то глухо захлёбываясь. Второй – пронзительный, не замолкая ни на минуту, перекрывал тот голос: «Я спущу тебя с горки, я собак на тебя спущу!» Третий голос – тоже пронзительный: «Только попробуй». – Спустишь с холма? Натравишь собак? Ну-ну... Давай-давай! А ты забыла, что ела мой хлеб? Да, такое быстро забывается. Попробуй! Что ты говоришь? Как ты смеешь! Смотрите, чё она говорит! И эта девка ела мой хлеб! Ах ты, бессовестная! На себя, говоришь, погляди? Ах ты, сволочь невоспитанная. Прекрати, замолчи! (А, это её мать, наконец, подала голос.) Взбеленились как бешеные сучки. Что? Что вы сделали ради меня!? (Это опять мамаша.) Палец о палец не ударили. А что надо было сделать? Привести мужа и бросить к твоим ногам? Вот те на, он же взрослый, матерый мужик, кого он послушает. А послушал бы, ради своих сестёр вы бы сделали? Так не делается. Почему он так с ней обошёлся? Откуда мы знаем? Не говори так, откуда ты знаешь, кто она. Шалава, шалава... А, говоришь, мы все были у неё дома? Ну да, были. Надо же знать, где уже второй год он живёт. Зачем пошли? Предательство? Ну что ты! Какое это предательство. Ты ещё молода, тебе всего двадцать лет, ты дочь, а рассуждаешь, словно брошенная жена. Не озлобляйся, если только в душе у тебя осталась хоть капелька любви к отцу, постарайся понять и простить его. Ты, конечно, за мать заступаешься, тебе больно за неё. Ну что тут поделаешь? Судьба. Ушёл к другой, что мы можем поделать? Заставить прийти, привести его за руку? Успокойся. Да, успокойся ты. Господи, потише. На водички. Да ты осторожнее. Проклятье на Коране? Господи! Что ты говоришь! Зачем Коран-то трогать! Дай сюда сапог, сапог-то зачем схватила, боже мой, да успокойся ты, заденешь кого-нибудь. Осторожно, да что ты в самом деле! Ой, как надоело тебя все время успокаивать. Если сама не поймёшь, наконец, что надо взять себя в руки, никто не поможет. К черту? Все плохие? Трудно тебе живётся? Дальше ещё труднее будет, ты все видишь в чёрном цвете, всех разоблачаешь, всех обвиняешь. Погляди на себя лучше. Да осторожнее ты, чего ты нож-то схватила, дай сюда, господи, успокойся ты. Ну да, мы все стервы, все нехорошие. Ты и детей настроила против. Ну, ушёл муж. Так он же плохой, как ты говорила всегда. Да, дерьмо. Вот и хорошо, дерьма, как ты говоришь, больше нет рядом. Получается, тебе же и хорошо теперь. Чего? Ну, опять за своё! Ну вот, теперь пятно от сапога на стене, брось нож, нож брось! Заденешь кого-нибудь. Да успокойся ты, дурра! Бесишься из-за того, что теперь содержать вас некому. А раньше о чем думала? Я – блядь? Ну и хорошо. Он – блядь? Ещё лучше, особенно теперь, когда он ушёл, тебе же и повезло, считай. Ах, молодая келин не так тебе пиалушку подала, позже, чем остальным? Ну и что, она просто не подумала. Ты ведь отчитала

её? Ну и всё, в расчёте. Ах, мужу не понравилось, из-за этого и поссорились? Но вы же ссорились по любому поводу. Так не могло продолжаться вечно, все шло к разрыву. Я каркаю? Накаркала? О господи! Ну послушай, успокойся, да не причитай ты так, что мы могли поделаться? Он решил сам. Он все-таки до сих пор помогает вам. Вот и огромный дом этот оставил вам, а вы молча, с озлоблением принимаете от него деньги, продукты и поливаете его грязью, не здороваются даже с ним. Все в жизни бывает, он ушёл из семьи, ну не хочет он жить с тобой он не детей оставил, а тебя, что делать, одна ты что ли такая. Он ушёл от вечных ссор, из-за того, что ты детей настраиваешь против него. Кто настраивает? Конечно, я у вас виновата во всем, а-а-ааа... а ещё в ногах у меня валялась, прощения просила... дурра ты... когда я у тебя в ногах валялась? Ты не так поняла... и тебе бы не мешало попросить у меня прощения. Все мы гости друг для друга на этой земле... только не надо притворства... а, и ты лезешь туда же? Нет, прощение вместе со смирением – это для христиан, только не для меня. Все кипит внутри. Что за сучье племя? Господи, какая страшная она стала, рот скривился, причитает, слезы градом, господи, надоумь ее, дай ей силы остановиться. Ой, дочь тоже как полоумная, её тоже начинает трясти. Эта шалава увела его, он был её любовником. Да, прекратите вы, зачем же вы хотите, чтобы он вернулся? Вы же опять будете грызться, вам нужен не муж или отец, а человек, который содержал бы вас и ругался с вами каждый день. Да замолчите, наконец, замолчите, говорю!.. (Теперь и молчавший до сих пор сын заорал.) Сам замолчи, ты лучше отдай мои деньги. Какие деньги? А что я дала тебе на ремонт. Господи, да разнимите их, брат с сестрой кидаются друг на друга, словно дикие звери. Отдай деньги, подлец! Ах, сволочь, я же вожу тебя каждый день на работу и с работы! А... я чё тебе ещё и как таксисту должна платить? Прекратите, отпусти ты её. Ты что, зверь какой, зачем за волосы-то таскаешь, отпусти-отпусти, отпусти её, пожалуйста, ой-бай, за что же ты её так бьёшь? А я что, даром тебя должен возить? Ты что делаешь, ты что так кидаешься на него, отпусти его ворот. Он же брат тебе родной, единственный, что ты делаешь?! Замолчите оба, а-аа-ааа...

Ой, да пошли вы все к черту! Пошли, пошли отсюда, чё тут нам делать? Бесполезно что-то говорить... Господи, как мучительны семейные сцены... Никого ни в чем не переубедишь, у каждого своя правда. Как не отупеть, не озвереть? То склоки достают, то разъедает однообразие жизни. Надо отстраниться, уединиться. Но уединение-свободу надо выстрадать, быть готовым принять неминуемое одиночество, отстоять это одиночество, научиться противостоять или хотя бы не поддаваться злу, не дать засосать себя зависти, пошлости, посредственности, невежеству, отстраниться и от нескончаемых так называемых родоплеменных обязательств, которые не оставляют тебя ни на минуту, не позволяя быть самим собой.

Опять звонок:

– Маруа-апа, как ваши дела, как здоровье?

– Хорошо, спасибо...

– Апа, поздравляю с праздником, желаю здоровья...

– Спасибо...

– Апа, мы хотели прийти поздравить вас, вам нездоровится?

– Да нет... ничего. Вот, трубку передам дяде.

Почему-то почти все праздники в последние годы по пять-шесть дней. Приглашены в несколько мест, успевай только отбиваться. Конечно, они обращаются с просьбами, когда это им необходимо. Если она не такая образцово-показательная родственница, морально неустойчивая и так далее с точки зрения их тётки-святоши, то это ей даже на руку. Это даже очень кстати. Ещё позовут, ещё понадобится, у них ещё не все дети обустроены, на свадьбы понадобится свадебным генералом: казахи не могут без понтов, надо представить более или менее знаменитых родственников, да и просто родственников со стороны мужа и жены. Нужен полный комплект, без комплекта свадьба не свадьба, как, впрочем, и похороны. Вот тогда-то она и уедет куда-нибудь или трубку не будет поднимать. Ни злости, ни обиды на них нет, наоборот – некое облегчение: она свободна от них. Теперь будет не так болезнен любой шаг, любая ситуация. Теперь на это можно смотреть как бы со стороны, это уже не коснётся её.

VI

В конце мая Маруа вновь поехала на станцию Коркыт.

Девушки, работницы музея, позвали пить чай. Стол был накрыт в круглой маленькой комнате без окон (из тех, что называются «слепыми») в офисе мемориала Коркыт-ата. Говорят, этой комнаты не было в проекте. Кто-то из прежнего руководства музея решил таким образом глухой тёмный угол комнаты приспособить для приёма гостей. Стены не сплошные, а собранные из отдельных, соединённых в круг, зеркальных пластин, иллюзорно расширяющих пространство. За счет яркого света люстры, многократно отражённого в зеркалах, в комнате очень светло.

Зная эффект зеркал, а тем более множества зеркал, Маруа нехотя вступила в это пространство, и тотчас же отражение выступило-выскочило одновременно-ментально во всех зеркалах, преломляясь, перекидываясь из одного зеркала в другое. Маруа прошла на предложенное ей почётное место в центре, скрипнуло обтянутое дерматином сидение, пахло затхлостью непрветриваемого помещения. Села и только тогда подняла глаза. Её растеряннo-вопрошающий взгляд ментально отразился в зеркальных пластинах-стенах. Предстало взору совершенно другое лицо, с неправдоподобно удлинёнными для азиатки чертами. Выступило столько её «я», похожих и одновременно непохожих, повторяющих все её движения, жесты, мимику, зорко наблюдающих за ней и не упускающих ничего из поля зрения. Малейшие движения, любой взгляд, жест, наклон не только ее тела, но, казалось, и движения души, мыслей многократно повторялись. Яркий свет ламп оттенял отражения, бросая блики, играя всеми оттенками светотеней. Она машинально пересчитала стены-пластины. Их было двенадцать. В каждой из них отражение уходило вбок и вдаль; зеркала показывали её в профиль, анфас и вполоборота.

Внутри этого круга был другой – поверхность стола. Круг сидения размыкался у входа в комнату. «Мандала» стола отдалялась в глубь пространства зеркал, в глубь этих магических «двенадцати» кругов-знаков, уменьшаясь в размерах. Взглянув снова на свои отражения, Маруа поняла, что при таком освещении безжалостно выдавались обрюзглость, круги под глазами, а лицо казалось мертвенно-серым. Растерянность многократно-бесчисленно увеличивалась, множилась в этом круге-мандале-пентакле (колесе, шаре, орбите, сфере, кольце, пространстве?), казавшемся мистическим. Иллюзорная бесконечность – отражение зеркала в зеркале... левая часть лица уже не левая и рука правая уже не правая.

*Зеркало Козырева*¹⁵ описывали как свёрнутый по часовой стрелке в полтора оборота гибкий зеркальный лист из полированного алюминия. Внутри ставили кресло для испытуемых. Говорят, что люди, находясь там, испытывали самые разнообразные психофизические ощущения, у них обострялось восприятие. В протоколах исследований фиксировались случаи «выхода из собственного тела», проявления телекинеза, телепатии, трансляции мыслей на расстояние, видения прошлого, когда люди ощущали себя участниками давно минувших исторических событий. Это объясняли тем, что внутри происходит изменение плотности времени.

Здесь зеркала не вогнутые, но сильно искажают... и тоже как свёрнутые листы, как труба...

Маруа где-то прочла, что зеркала могут забирать энергию или отдавать её. Они открывают пространственно-временной канал, дверь к потоку информации в другие миры. Колдуны утверждали, что зеркало может усиливать посылаемые человеком мысли. Буддисты говорят: «Бойтесь последствий мыслей своих». Она постаралась отогнать эти мысли и не обращать внимания на зеркала, которые мешали общению и отвлекали.

В Дрезденской рукописи сказаний ровно двенадцать, в Ватикановской тех же сказаний шесть... Вспомнилось по аналогии: двенадцать лет – мушель – двенадцатилетний цикл летоисчисления, двенадцать трубчатых костей человеческих или животного – двенадцать частей тела, двенадцать колен, двенадцать частей-сторон света... двенадцать «чистых родников», двенадцать «ворот», двенадцать ступеней к небесному храму, набор из «двенадцати камней»... двенадцать нидан из четвёртого, внешнего круга «Колеса жизни»... А здесь случайность или сделано осознанно?..

Вечером пришёл сторож, немолодой мужчина. Он почтительно предложил ей своё место в уютном теплом офисе, отделённом от той зеркальной комнаты тонкой перегородкой. Дал постельное белье, развернул кресло-кровать. Оставил он и котёнка, которого привёз с собой в тот вечер, коротко объяснив, что появились мыши. Любой, посмотрев на маленького полосато-серенького котёнка, усомнился бы в том, что тот представляет угрозу для мышей.

Легла Маруа рано, сразу же заснула. Неизвестно, сколько времени прошло, когда вдруг, вздрогнув всем телом так, что заскрипела выдавшая виды кресло-кровать, отдёргнула левую руку и проснулась с бьющимся сердцем: кто-то ухватил за мизинец левой руки и тут же выпустил. Палец ещё хранил ощущение чужого цепкого прикосновения. Слегка приподняла голову, чтобы не быть замеченной кем-то невидимым, хотя ужаснула мысль: кому надо, тот уже увидел её и наблюдает за ней. Вдруг от стены, за которой находился тот самый зеркальный зал, будто что-то отделилось... Вздрогнув, она стала пристально вглядываться. Нет, наверно, показалось. Яркий свет фонарей во дворе и вдоль аллеи заливал комнату, просматривался даже выключатель на стене. Дверцы декоративной полки были открыты; помнится, вечером они были только слегка приоткрыты, сейчас

¹⁵ Козырев Николай Александрович (1908–1983) – советский астрофизик. Алюминиевые (реже стеклянные, зеркальные или выполненные из других металлов) спиралевидные плоскости, согласно гипотезе, предложенной астрономом Козыревым, отражают физическое время и, подобно линзам, могут фокусировать разные виды излучений. Точно так же, как и плоские зеркала, вогнутые отражают видимые и невидимые энергии, «тонкие» излучения человека, усиливают их.

за ними зияла чёрная дыра. Маруа вспомнила, что дверь в зеркальную комнату раздвижная. Казалось, именно из этих двенадцати зеркал, через отверстие в дверце полки, через раздвижную дверь струились эти силы. Со страху стала шептать слова двух коротких сур, которые знала, повторяя вновь и вновь, не решаясь двинуться, стараясь не глядеть в черноту полки, в квадрат ниши. Что-то треснуло, стукнуло... она замерла, сердце заколотилось ещё сильнее. Показалось, что кто-то тенью мелькнул мимо. Словно почувствовав чьё-то присутствие, беспокойно мяукнул котёнок. За окном только-только начало светать, фонари погасли. Маруа опрометью кинулась к выходу. Дул сильный ветер. Бубенчики, подвешенные под аркой на длинных шерстяных нитях, сильно раскачивались и позванивали. Облака, безжалостно разорванные в клочья, лоскутки, сгустки, нити, были раскиданы по небу. Она стояла, пока не продрогла. Как тогда, в первый свой приезд. Но никогда ночь не вселяла такого ужаса, как сейчас, здесь. Некто или некто давило всю ночь. Никогда не поверила бы, что будет так напугана: так была далека от разного рода слухов про духов и привидения. А может, «кто-то» – это аруахи, как сказали бы старики?.. А может, это и есть «аримасы»?.. Они же и аруахи...

...у Бартини ¹⁶ три пространственные координаты и три временные... не один параллельный мир... а бесчисленное множество... или шестимерное пространство...

Первым утренним рейсовым автобусом приехали работники. Увидев её так рано во дворе, спросили, как спалось. Сторож, оказывается, уехал ночью: охранять в юрте нечего, а офис занят. В юрте тоже не было замка, дверь прикрыли, прикрутив куском проволоки. А дом смотрителя находится за бугром.

Немного погодя она вошла вслед за работниками в помещение. В комнатах было уже светло. У входа хорошо просматривались старинные предметы быта, музейные экспонаты, видимо, собранные недавно и почему-то сложенные у порога. Кому они принадлежали, живы ли хозяева... Маруа с опаской прошла мимо раздвижной двери к своей постели, прибралась, набрала в термосок кипятка и, отказавшись пить чай вместе с работниками, взяла рюкзак, палатку и отправилась к реке.

Что она тут делает? Зачем этот экстрим вообще?.. На холме возле башни Хромой девушки присела отдохнуть. Степь, ровная, открытая, просматривается вплоть до самого горизонта. Здесь, в степи, возвышаешься лишь только сам. Можно присесть (как тут и сидят) – «молдас курып», как бы в позе лотоса. Всё равно степь будет просматриваться далеко-далеко, до самой ниточки горизонта, сливающейся с небом. Тишина до звона в ушах, высоко парит орел, ветер доносит терпкий запах жусана. Далеко на горизонте виден Шошкаколь, где говорят, нет ни рыбы, ни птиц. Интересно, почему? В пойме Сырдарьи много стариц, озёр, протоков, болот. Блуждая в вечном движении, излуцина или меандра может и резко распрямиться, и тогда на месте прежнего русла может образоваться

¹⁶ Роберт (Роберто) Людвигович Бартини (настоящее имя – Роберто Орос ди Бартини) (1897–1974) – итальянский аристократ (родился в семье барона), коммунист, уехавший из фашистской Италии в СССР, где стал известным авиаконструктором. Автор более 60 законченных проектов самолетов. Помимо авиации и физики, Р. Л. Бартини занимался космогонией и философией. Им была создана уникальная теория шестимерного мира, где время, как и пространство, имеет три измерения. Эта теория получила название «мир Бартини». «Пришелец, контролирующий техническое развитие человеческой цивилизации» (из Уфологической энциклопедии).

старица, наполняясь весной водой. В конце лета старицы высыхают, по берегам образуются болота. Мириады мошек, оводов, комаров. Между наслоениями ила, нанесённого течением, и мириадами песчинок, поблескивающих кварцем, проглядывают местами глинистое, растрескавшееся дно-такыр. Кое-где торчат из-под песка кусок полуистлевшей шкуры падали с рассыпающейся в клочья шерстью, старый сапог с расклеившейся подошвой, мелкая труха полусгнивших, переломанных веток тальника, корневища саксаула, выбеленные временем и водами реки. Ничто не напоминает о когда-то стремительно нёсшихся бурных потоках. Юркнет маленькая ящерица или мелькнёт мышь полевая.

А в половодье зальёт луга. Вынесет потоком мелкую рыбёшку. Но вскоре ни рыбки, ни живности, ни птиц – никого. Только тухнет эта вода, словно болото раскиснет земля. Мутно, пусто, глухо. Разве что пролетают в небе птицы, возвращаясь из дальних стран. Болото, жижа да камыш стеной, где вскоре совьют себе гнезда кряквы. Вода ещё держится, пока не оперятся птенцы, и никто не потревожит их. Потому и густой камыш пустил корни, разросся. С наступлением холодов всё покроется льдом. Тонким льдом – не пройти по нему. Замёрзнет всё, но держится на ледяной поверхности зыбкое, опасное, тёмное место. И реку не перейдёшь, и рыбы не половишь. И диких уток давно уж не видно. И не дай бог попасть в полынью.

Весной течение сталкивает между собой грязно-серые куски льда, заставляя менять направление, проталкивая их меж громоздящихся растрескавшихся крупных льдин, образуя проход-продвижение. Силы вскрывшейся реки взломают, растрескают в самых неожиданных местах эти рваные льдины разной формы, и понесут их, и растопят в потоках бурного, мутного течения.

Чем не человеческая жизнь...

Пролетели казавшиеся величественными из-за гребня-венца на голове шоколадно-полосатые удоды, где-то высоко в небе пел невидимый жаворонок. То тут, то там выныривали из нор сурки-балпаки. Два небольших сурка вдруг побежали друг за другом. Передний, более крупный, остановился, повернулся к бегущему следом и принял угрожающую стойку. Остановился и второй, и отстал только тогда, когда передний обнажил зубки в угрожающей «улыбке». Как это похоже на людские повадки!.. Реяли в небе крупные, пёстрые птицы, кажется, коршуны, выглядывая добычу. Днём она видела на асфальте раздавленных сурков и их детёнышей, которых эти птицы стаскивали с дороги.

Ну, что, довольна, лягушка-путешественница? Не сидится спокойно дома, с тёплым горшком. Свежих ощущений захотелось. Пощекотали тебе нервы, чтобы не забывалась. Все блага разом... Маруа, присев рядом с мазаром возле башни, прочитала всё те же коротенькие суры, затем спустилась с холма и пошла к гробнице, находящейся приблизительно в километре на берегу Сырдарьи. Страх прошёл. Но осталась твёрдая уверенность: то, что было ночью, – не плод воображения или страха.

Древний мазар, полуразрушенный дождями и весенними половодьями, находится на высоком яру правого, вогнутого берега Сырдарьи. Высота обрыва почти четыре-пять метров. Наступишь неосторожно на кромку – обваливаются края, рассыпается сухой грунт: редко где корни тамариска или саксаульника держат почву. Вдалеке у излучины показалась пара лебедей, медленно скользящих по глади реки. На противоположном, пологом берегу, переходящем в зелёный

островок, росла высокая, изумрудно-зелёная трава. Безмолвная тишина стояла вокруг. Только всплеск воды – небольшой табун лошадей входил в воду.

Господи, хорошо-то как! Как легко дышится. Как красиво здесь... Какая тишина...

Спустившись с высокого яра к реке, она опасливо вошла в мутную воду, сполснула руки и лицо. Спуск был крутой. Ноги, утопая, заскользили по вязкому дну, пахло илом. В этой широкой части реки глубоко, здесь много сомов, крупного жереха. Но много и коварных водоворотов, впадин, ям. Желтовато-мутная от наносов ила и песка вода поблёскивала в лучах солнца искрящейся рябью, но пугала её: не знаешь, что скрывается под этой поверхностью, внизу идёт другая жизнь. Зыбкие, опасные места. Оступишься – не выбраться, ухватиться не за что, ледяная вода утянет вниз. Вчера только зритель рассказывал, что недавно ниже по течению утонул сын его знакомого. Почти двое суток не могли найти тело и опознали только по кольцу на руке. Маруа пошла по кромке воды. Снизу берег казался высоким, рваным. Над головой так и мелькали, резко взмывая в воздух, ласточки и изумруднокрылые когершины. Заглядевшись и проследив за их полётом, заметила на яру гнезда. Взгляд наткнулся на кость в стене. Может быть, это останки бродячего скота, падёж в степи не редкость. И вдруг сердце колыхнуло от ужаса – она заметила в размытом разрезе высокого берега горизонтально лежащий человеческий скелет. Над ним виднелась часть другого захоронения... То, что она приняла за кости животных, оказалось костями некогда погребённых людей. Споткнулась обо что-то, остановилась, пригляделась – кусок кирпича, недалеко лежал ...человеческий череп. Сердце гулко застучало, и она, заворожённо глядя на этот череп, стала торопливо шептать спасительную молитву. Теперь она внимательно смотрела под ноги и осторожно ступала по кромке воды. И на каждом шагу натывалась на надмогильные камни, скатившиеся во время половодий вниз, к реке, и на кости, валявшиеся под грудой кирпичей или осколков старинных обожжённых плит с размытых и разрушенных могил. Всё пространство от реки до высокого берега было усыпано ими. Говорят, здесь найдено много кусков белого мрамора с арабскими надписями. Высокий берег реки словно разделял два мира: наверху – мир живых, с пением птиц, идиллическим видом живописной излучины с парой белоснежных лебедей, цветением трав, с пряным запахом мелких, низкорослых кустов полыни, с первозданной тишиной, а внизу – мир мёртвых, с выбеленными костями скелетов в разрезах земли... в последней застывшей, неподвижно покорной позе...

Вот он – рай... и вот он – ад...

Скорее захотелось вырваться отсюда. Солнце уже пекло, жар поднимался от земли. Горизонт плавился и, если долго смотреть, превращался в сплошное зыбкое колыхание. Представилось, как сквозь это знойное марево одиноко брела хромая девушка, припадая на одну ногу, шла, словно покачиваясь из стороны в сторону, занимая пространство вокруг своим покачиванием-колыханием, оставляя за собой тридцать девять девушек, гибнущих одна за другой. Образ смерти?..

Однажды во сне к Коркыту пришёл Аллах и сказал, что Коркыт в награду за бескорыстную помощь в лечении людей не умрет до тех пор, пока сам не помянет смерть. С того времени Коркыт ни разу не только не обмолвился, но даже не подумал о своей смерти. Как-то, в погоне за бычком, убежавшим в

поле, он устал и, присев отдохнуть, с досадой подумал, что все равно он догонит и поймает этого бычка, если только не помрёт. И тут же спохватился, но было поздно, он с ужасом подумал о неминуемой расплате. Что делать? Как спастись? Он решил переехать жить в другую местность. Сел на своего крылатого нара и поехал на один край света, потом на другой. Но везде, куда бы он ни поехал, ему встречался человек, копавший яму. На вопрос, для чего эта яма, тот человек отвечал, что это могила для Коркыта. С отчаяния, не зная, что делать, он решил переселиться в центр земли. Центром оказался берег реки Йинчу-Огуза.

Смерть добралась до Йинчу-Огуза, забрала с собой и Коркыта...

Маленькую, удобную в пользовании палатку Маруа установила поодаль от башни Хромой девушки и, забравшись внутрь, вытащила еду и принялась за завтрак, он же обед. Тишина степи прерывалась жужжанием слепней, каких-то насекомых и гудками проходящих мимо тепловозов. Как вдруг она услышала звуки тяжёлых шагов, приглушаемых рыхлым песчаным грунтом. Взглянув в сетчатое окошко палатки, увидела, что идёт какой-то мужик в кирзовых сапогах. Она притаилась, надеясь, что он пройдёт мимо, но тот остановился у палатки. Пришлось выглянуть, он поздоровался. Сказал, что, заметив палатку, пришёл узнать, не нужна ли какая помощь, уважительно назвал «апа». Она предложила разделить с нею обед. Он охотно согласился, скрестив ноги, присел прямо на песок перед входом в палатку: яркая, маленькая палатка, да женщина в ней – в степи явление редкое.

Это был ещё не старый мужчина из местных, звали его Каныш. Он оказался путейцем-обходчиком. Выше среднего роста, худощавый, смуглый, большие чёрные глаза в глубоких впадинах, прямой нос. Прямо красавец. Образования бы ему. Умница, смог бы, наверное, с любым делом справиться. Быть, к примеру, начальником этого участка железной дороги или депо. Ведёт себя степенно, ест аккуратно, неторопливо. Охотно отвечает на вопросы о местности, об обычаях, почтительно вызвался донести вещи до офиса, когда она надумает возвращаться, так как работает недалеко отсюда.

– Каныш, река, наверное, постоянно размывает захоронения? Там столько костей на берегу.

– Да, апа, говорят, много. Но я давно не бывал там. Некогда мне ходить. А молитву можно и здесь прочитать.

– Да, конечно. А где вы живете, на станции?

– Нет, апа, живу я сам в Джусалах. Нас сюда привозят каждое утро. Недалеко, всего восемнадцать километров.

– Дети есть у вас?

– Да, их у меня четверо, апа. Старшие уже женаты, живут отдельным домом, я их отделил, отдал им их долю имущества, а младшие со мной. Сноха наша будет вам рада, если будете нашей гостьей, – ответил он.

А немного погодя он с мальчишеским любопытством и интересом надел на спину её рюкзак, взял свёрнутую палатку.

Маруа ещё издали заметила зрителя Болата. Он сидел с теневой стороны юрты и отрешённо смотрел куда-то вдаль, глубоко уйдя в свои мысли. Она заме-

чала и раньше, что иногда у него менялось выражение лица. Он порой по-детски смеялся, чаще – сдержанно улыбался, а иногда вот так замолкал.

Подойдя к нему, присела рядом. Он ни о чем не расспрашивал, будто знал заранее, о чем та заговорит. Сузив глаза, смотрел вдаль.

– Там, на берегу, оказывается, столько человеческих костей, – начала было она, но Болат молчал, – это... это и есть, наверно, *қабыр ақыреты* – когда праху нет места в чреве земли. Неужели нельзя что-либо сделать?.. Куда смотрят местные власти?

– На днях я собрал там три черепа, – ответил смотритель.

– Д-да?..

– Прочитал молитву, завернул каждый череп в кусок белого материала и перезахоронил.

Она молчала, не зная, что сказать.

– Господи... человеческие кости валяются на берегу...

– Иногда жена помогает мне, – промолвил он.

В старой тибетейке, надев старый чапан вместо чистого, дежурного, в котором он обычно встречает паломников, смотритель идёт впереди, за ним бредёт его небольшое стадо. Библейская картина – словно ничего не изменилось за века: бескрайняя степь, колодец (правда, бетонный), вырытый прямо возле офиса, с левой стороны от ворот; старая верёвка, привязанная к жестяному ведру с помятыми боками. В часе езды отсюда космодром, цивилизация с суетой, нешуточными страстями. О современном ритме жизни напомним только посетители.

Интересно, чем же заняты мысли этого молчаливого смотрителя? Он, наверно, постоянно произносит привычные слова молитвы... Субханалла... Минаааш... шайтан ражим... биссимил-лля рахмон-н-ир-ррахим... А что ещё говорить, когда постоянно натыкаешься на человеческие кости?

Странная судьба выпала этому человеку. А он сам, наверно, в суете дней особо не задумывается об этом. Это ей, может быть, кажется удивительным и малюсенький, как капелька крови, тюльпан с узкими скрюченными листочками, и даль перед глазами. Он это видит каждый день и озабочен только каждодневными делами. Всего-то тридцать с небольшим, но ему вроде ничего больше и не нужно в жизни. Не мечется, как некоторые в его возрасте. Станный... а может, просто относится к своей работе как к ремеслу – надо же кормить семью. Живут и при городских кладбищах люди, не кажутся же они странными. Что же необычного может быть в жизни этого человека? Смотритель древних гробниц огузов в возрасте пророка Исы... Есть люди безобидные, добрые от природы, они никому зла не желают – скорее всего, он из таких. А ведь есть доброта осознанная, когда человек сам тянется к чистоте помыслов, стремится не делать зла. Это даётся нелегко.

Кладбище на правом берегу реки, текущей меридионально. А если это так, то, наверно, поэтому с каждым витком земли вымывается в реку кромка почвы, всё больше, дальше обнажая край трещины в чреве земли. Каждый год по весне после половодья три-четыре черепа... Говорит, что сейчас ничего, свылся. Провожать в ещё один, очередной последний путь, не человека, а его череп, оголённый-выбеленный, маленький. Надо сказать, не каждый день встречается такое. Смотритель говорит, что он сам всего лишь пенде – простой грешный, раб божий. Наверно, иногда ему трудно нести бремя своего звания-судьбы: находить-

ся рядом с останками тех, кому была уготована судьба быть вновь погребёнными через столько, может быть, столетий... Чьи черепа, какого времени, какого века?.. Кто определит? Рассказывают, в пятидесятые годы, когда совершали перезахоронения, обнаружили крупные человеческие кости тазобедренных суставов, они были мощнее, крупнее, чем кости современных людей.

Полуторагодовалый сын зрителя знает, как завершается молитва: ждёт и со всеми вместе проводит ладонями обеих рук по своему лицу.

А вот и скот возвращается с выпаса. Маленькое стадо коз и овец направляется к хозяину. Следует по пятам. Так и идут следом, как дети малые. Куда он, туда и они. Как ручные. А воды нет. Водовоз не приехал. Осталось в колодце всего несколько вёдер воды. То ли самим пить, то ли скот напоить. Попробуй не напои. Жалко. Грех причинять страдания беззащитным существам. А водовоз обещал, да не приехал. Кошкар ждёт. Нетерпеливо тычется головой в пустое ведро. Молодняк – словно шаловливые дети, один из них недавно подцепил ведро на голову и носился с ним. Перепугался, да снять не смог. Так и громыхал, пока не поймали и не освободили его от гулкого жестяного ведра. Придётся налить им воды понемногу каждому. Да, мало воды, что тут поделаешь? Пошли, пошли к загону. Вернёмся к колодцу, когда водовоз подъедет. Если подъедет. Эй, Баке, алло, ты где? Ты же воду обещал сегодня привезти. Воду, говорю, обещал подвезти. Мне нечем скотину поить, да и у самих нет питьевой воды. Когда приедешь? Сегодня, сегодня привези. Поздно? Да нет, не поздно же ещё. Жалко же скотину, ей не объяснишь, что ты устал и поздно ехать. Ну, приедешь?

Эх, называется, живём у реки. До реки километра два. На чём привезти воду?.. надо бы бочку да на арбе с осликом. Как раньше. Не зависит от этого водовоза. Да через железнодорожное полотно не пройдёшь с телегой. А мостик-тоннель под железнодорожным полотном далеко. И не уйдёшь, люди идут постоянно. И вода-то какая теперь в речке... Да, сколько людей идёт сюда. Разные люди, разные судьбы. Вот и женщина эта – худая, странная. Видно, беспокойно у неё на душе. Ей кажется почти под шестьдесят, а покоя ещё на душе нет. Ищет чего-то. Видно, страдает, сомневается в чем-то. Черепов, костей человеческих напугалась. Его жалеет, спрашивает, как тут ему живётся, не тяжело ли. Так ведь здесь постоянно люди. И не простые. Не только те, которые обычно ходят по святым местам, а люди известные – музыканты, художники, писатели, депутаты да делегаты всякие, даже космонавты, московские гости. Модно стало привозить их всех сюда. Сколько лиц, судеб. Разных отношений – от истинного поклонения до показного, от поклонения музыкантов, людей творческих до жаждущих исцеления физического. Наблюдать жизнь людей – занятие увлекательное. Без конца идут. То проездом, то специально паломниками. Переночуют ночь, а то и несколько дней живут. Только проводишь одних, других надо встречать. Звонят и из области, и из района – встретить, мол, делегация такая-то едет, писатель или ещё какая знаменитость. Здесь чисто. Не то что в городах. Там-то люди разные, с разным умыслом-пиғыл, а здесь – нет, сюда приходят в основном люди с чистыми намерениями, с одним желанием – очиститься от грехов, сбросить груз переживаний и огорчений, вымолить благословение великого предка... Как поживает Айгуль? Ничего. Звонит. Вот, по сотке. Так удобно стало! Позывные – мелодия «Кара жорга». «Кара жорга» поют-танцуют и здесь. Неважно, говорите, чей, откуда

появился этот танец? Говорите, востребован временем? А... не этот, так появился бы другой? Символ возрождения духа? Как-как? Энергию даёт, появляется удаль, боевой дух, уверенность? Интересно, апа, говорите, действительно, наверное, каждый мускул рвётся к движению, на здешних свадьбах чуть что, так и пляшут «Кара жоргу».

Вспомнилось, как «Кара жоргу» станцевали педагоги Селезнёвского училища перед своими питомцами. Во время концерта все зрители просидели в состоянии ожидания чуда. Дети – члены Театра юного артиста – сами были чудом. Постоянное соприкосновение с классической музыкой, танцем – что может быть лучше? Чем не сцена чудес?

Это был творческий вечер одного из педагогов. Истинная сцена чудес, как сказал ведущий, когда талантливая молодёжь в присутствии своих педагогов старается исполнить свой номер лучше, чем в другое время, во время обычных выступлений. Красивые одухотворённые лица, прекрасная осанка, что у педагогов, что у учеников, достойные ученики, уже получившие признание на международных выступлениях, – эта среда так заряжает светлым чувством. Дух рыцарства витает и в зале, и на сцене. Он сохраняется и в повседневной жизни после сыгранной на сцене сказки. Непосредственность, танцы, веселье вместо высокопарных поздравлений. Нет чопорности, равнодушия, фальши, наигранности, помпезности. Розыгрыши, шутки. Известный артист спел песню, слова которой были написаны двадцать пять лет назад. Песня до сих пор звучала современно. И к тому же она напомнила старшему поколению об их молодости, всколыхнула воспоминания. Можно было только порадоваться за этого педагога. Подвижническая деятельность, отеческое отношение к своим питомцам.

VII

В ауле умерла старуха, прожившая тихо, молча почти девяносто лет. Иссохла-умерла, не жалуясь. Были у неё и сыновья, и дочери; были и добрые, и умные, но и непутёвых хватало, живших порой на её пенсию. Сыновья, подпоясавшись платками и взяв в руки по посоху (как будто теперь только посох у них опора!), выстроились в ряд во дворе у стены дома, начали по обычаю голосить-оплакивать, встречая пришедших с соболезнованиями. Похороны, говорят казахи, бедному зад оголяют, а богатого разоряют. Тут ещё не так заголосишь.

Неожиданно один из взрослых внуков старухи выложил крупную сумму. Оказывается, лет десять назад брат покойной перед своей кончиной, втайне от всех, даже от своей семьи, оставил ему, тогда ещё юноше, эти деньги, чтобы тот позаботился о проводах его старшей сестры. Тревожило брата одно: что ожидает безответную, кроткую сестру после его ухода. И оставляя этот мир, он доверился только одному человеку, да и то мальчишке.

- Когда это он отдал?
- Месяца за четыре до своей кончины.
- А что сказал при этом?
- Сказал, что, мол, сохрани и отдай эти деньги, когда займутся похоронами.
- И всё? Больше ничего?
- Ничего. Он ведь не любил много говорить.
- Почему он не отдал их кому-нибудь другому из родственников постарше? Ведь не все они пьяницы или безработные. Почему именно тебе?

– Вот этого я не знаю. Сам был удивлён.

– Не было за эти годы искушения потратить их: ведь никто об этих деньгах кроме тебя не знал? Или, может быть, желания использовать, а затем положить назад?

– Да не... как можно?!

* * *

В притихшем зале полно людей.

Слово дают вдове покойного, поминки по которому проходят в самом лучшем банкетном зале города. Вдова медленно проходит к центру зала, берет в руки микрофон. В зале становится ещё тише.

Она не сразу начинает говорить. Смотрит вроде бы в зал, обводит взглядом сидящих людей, хорошо и давно знакомых ей. И её, и её покойного мужа знали здесь, знали про их жизнь. Что она может сказать?! О чем говорить? Что они могут знать о том, что делается у неё в душе... Ушёл муж, следом, через месяц, ушёл сын... А она живёт как будто бы в нереальном мире... иногда словно забывает, что с ней, где она, что случилось... а потом вдруг как игла острая в сердце: что было?.. что же будет впереди?.. Бедное сердце... бедная память... они словно берегут её... дают забвение... дают время забыться... хотя бы на несколько мгновений... чтобы потом ей как-то пережить минуты подступающей жестокости реальности.

Сын... вон... сидят его друзья... да-да... не надо так долго смотреть на них... это – моё... это – потом... не сейчас...

Ах... да... люди смотрят... надо что-то сказать... смотрят с любопытством... как, мол, она... такая гордая, всегда уверенная в себе... что скажет? Привычные ли слова обиды на судьбу, слёзы ли потекут от жалости к себе, от того, что так быстро пролетела жизнь, что толком ничего не видела, толком не жила... муж, дети, работа, рутина и суета... скажет ли привычные, избитые слова всех вдов, застигнутых врасплох Смертью, ворвавшейся в жизнь, в самую душу...

Что сказать? Конечно, она благодарна всем им... они пришли все... они все смотрят на неё... пора начинать что-то говорить... что-то говорить... боже, какая-то заторможенность... а может быть, и к лучшему...

Надо сказать, что она благодарна им всем... всем... она всем всё прощает... рядом с ним всегда были женщины... она им всем прощает... она и ему все простила давно... он был поэтом... он не мог жить иначе... как Бунин...

...Ах да... стихи... которые он посвящал ей... Он посвятил ей много стихов... Ах, эта песня... как берedit она душу... эта певица поёт песню на его стихи... посвящённые ей самой... спасибо всем... всем... всем...

Треск микрофона, десятки сотен глаз, направленных на неё, проходят через неё, словно прошивают десятками сотен игл... она – как на плацу... плацу... цу... у...

Никогда ей уже не быть на равных среди этих благополучных женщин с мужьями. Теперь – другая жизнь.

Главное – никаких слёз, главное – не впасть в состояние жалости к себе...

К себе... себе... се... бе... е... ие...

* * *

Вспомнилось своё, давнее: ветер пронизывал, а снега ещё не было, пальцы одеревенели, а срок был дан закончить работу всего в три дня и три ночи.

Тот «герой» ещё не знал, какая ему будет цена... Подсёк кой-кого, ловко сел на коня... Все кинулись вскачь – что жеребец, что кляча. Ржание и топот. Умное, чуткое животное, прядая ушами, ещё издали услышав топот копыт скакунов под седоками, почувствовало и дальнюю дорогу, и тревогу от ухарства молодых пастухов. Ликующий табун, топча едва проклюнувшуюся зелень, несётся, оглушаемый гиканьем пастухов, щёлканьем кнута, топотом многочисленных копыт. Даже седой табунщик ликует: весна, джайляу, свежий воздух, кумыс да ядрёная молодка, да и поживиться можно барымтой. А пока он, поддавшись общему возбуждению, щёлкает кнутом по голенищу, горделиво восседает в седле, оглядываясь и невольно рисуясь: стар, а бес в ребро. Смят подснежник, подмята и втоптана трава. Горячие жеребцы разгоняются, кося глазом на притихших молодых кобылиц. Айгыр¹⁷ впереди – сильный, хитрый. Разве есть луг прекраснее этого, разве трава молодая не нежна? Жеребец молодой бьёт копытом, старается, и сам не поймёт, зачем старается.

Ну, и «где те гордецы, что кричали, будто мир принадлежит им?»¹⁸

* * *

Резко зазвонил телефон.

– Здррааавствуйте!

– Что это вы так торжественно?

– Ну вот, вам не угодить. Вы – художник. Уважаемый мною. Могу я обратиться к вам на «вы»?

– Ну, коли так, ладно.

– Хочу попроситься к вам в гости. Кадыр, надеюсь, дома? Всё принесу сам: бараньи рёбрышки, пузырь, естественно.

– Да, ладно, есть чем угостить такого гостя. Думаю, Кадыр не будет против. Приходите.

– Лечу...

Прошло около часа, когда позвонили в домофон.

– Это «оони-и», – раздался голос Ильи.

Непонятно, один или с кем-нибудь ещё. Иногда он кого-нибудь приводит с собой, бывает, и подруг своих – красивых, раскованных, порочных.

Он вошёл не сразу, стоит у порога, шутливо кланяясь. В руках букет жёлтых хризантем, пакет с продуктами. За его спиной, усмехаясь и тоже молча, стоял Всеволод. Высокий – под два метра – русоволосый гренадер со старинной фамилией, имеющей отношение к флоту, голубоглазый красавец с княжеским именем. Тоже поэт. Он небрежно одет, длинные волосы стянуты резинкой на затылке. В руках у него маленький букетик фрезий.

Поочерёдно они приложились к ручке хозяйки, опять-таки шутливо и галантно. А Всеволод, церемонно раскланявшись, опустился на одно колено: «Государыня-матушка!» Хорошо, что тут не больно разбежишься – коридор узкий да короткий, а вот однажды он в одном кафе, будучи подшофе, кинулся на колени и заскользил по гладкому кафелю пола с десятков метров, воздев вверх руки с шутливо-торжественным возгласом: «Сударушка!..»

Всеволод подошёл к ней вплотную, слегка обнял за плечи, привлёк к себе, уткнулся в её волосы, жидкие, тоже туго стянутые на затылке, втягивая в себя их

¹⁷ Айгыр (каз.) – жеребец.

¹⁸ Из «Книги о Коркыте».

запах, поцеловал в щёчку, что вообще-то он делал впервые. Это было неожиданно, она не отстранилась.

– Я люблю эту женщину, – провозгласил он.

Из уст такого человека это прозвучало, наверное, как признание каких-то особых качеств или достоинств. Услышать подобное признание жаждут все или почти все женщины. Женщину за шестьдесят любят или проявляют к ней интерес, разумеется, не за блеклость красок. Но её это точно не должно волновать. Главное – быть самой собой и всё.

Она была благодарна ему, благодарна за теплоту, которой судьба могла и не одарить вовсе: ведь возраст зрелости гораздо больше окружает неприятие, чем приязнь.

Это как великий дар от Паганини в осенние минуты уныний – *Consert No 1 For Violin And Orchestra, op. 6. Adagio...* скрипка и оркестр – каждый по-своему о торжестве жизни сквозь лёгкую грусть проходящего...

Или как маленький букетик фрезий, преподнесённый им, фиолетово-белосиреневый, с целым миром знаков и символов, с изысканным, утончённым ароматом...

Каждый свой приход Всеволод воздаёт утончённые комплименты. Однажды, например, он заявил:

– Я дарю вам букет из всех красок этой дивной осени! Я дарю вам столько, сколько можете удержать в руках, в сердце, в душе, в памяти; всё, что можно представить в воображении, весь спектр красок этого солнечного дня, все удивительно прекрасные картины склонов и вершин Алатау.

Это было нечто. Такой букет ей ещё не дарили. Метафизический букет. Ни тебе зримой оболочки, ни каких-либо ограничений, чтоб представить его себе. Его можно расписать словами или красками, лучше – акварельными, дымчато-прозрачно переходящими одна в другую, образуя сливающееся воедино чудесное видение... Ах, как трогательно! Как мило! А как он говорил, какой у него завораживающе проникновенный голос! Его красивый баритон ласкал её слух.

И она тут, помнится, размечталась... И её польщённое второе «я», более романтическое, более склонное к иллюзиям, вообразило бог знает что...

Но мало-помалу она спустилась с облаков над предгорьями Алатау, откуда обозревала свой огромный букет, пытаясь охватить и золото клёна, и изумрудно-золотисто-терракотовую листву каштана, и кармин боярышника, и лазуритовую дымку-ягоду верхушек терновника, и багрец дикой урючины, и малахит вековых елей-сосен в горах и многое-многое другое...

А он хотел, наверное, поддержать её, сказав что-то особенное, ласковое. Мудрец на то и мудрец, чтобы понимать тщеславные или самолюбивые устремления простых смертных. Ну, а если это собеседница – тогда, конечно же, женщины достойны всяческого снисхождения. Так что можно смело говорить ей приятные слова. И это не будет выглядеть неискренне.

И это ему, честно сказать, удалось: она полдня провитаала в облаках (кажется, перистых), оторвавшись от будней, почувствовав себя значительной, раз её одарили таким необыкновенным букетом.

Подумать только: этого могло и не быть.

И как серо было бы в этот день. Несмотря на яркое солнце...

– Вот увидите, это станет легендой: поэты пришли к художнице. В этот дом, к вам, Богиня, я не хожу без цветов, – это уже Илья.

Да, наверное, это будет легендой: Илья, в одной руке букет, в другой – пузырь. Ещё и креветки заморские на закуску.

– Я хотел посоветоваться с вами. У Галии есть подруга, которая одна растит двоих пацанов-близняшек. Им около годика, вот-вот пойдут уже, чудненькие такие. Мужчин что ли не видели, они так потянулись ко мне. Вот я и подумал что надо бы доброе дело сделать – пути им разрезать. Я куплю барана или что там положено. Мне ведь скоро шестьдесят пять, надо делать такие дела, – как бы оправдываясь, сказал Илья.

– Да не обязательно барана. Достаточно килограмма два мяса.

– Ну, тогда килограмма три-четыре мяса да голову барана.

– Да нет, зачем голову, не надо, достаточно мяса.

– Ну, тогда может быть взять конину да баранью ногу?

– Да, пожалуй, конину, ну и небольшой круг казы.

– А вот какие нитки нужны для разрезания пут?

– Желательно шерстяные, в несколько сложений, пёстренькие. Я постараюсь найти, приготовлю всё необходимое. Знаете что? Давайте проведём сразу три варианта разрезания пут, как делали степняки раньше, – пёстрой шерстяной нитью, варёными бараньими кишками и пучком зелёной травы.

– Замечательно! А что же означают эти знаки – пёстрая шерстяная нить, бараньи кишки, пучок зелёной травы?

– Есть такое выражение: ешкімнің ала жібін аттамау. То есть чтобы он никому не переходил дорогу, чтобы и у него не было бы серьёзных препятствий в жизни – вот смысл, заключённый в символе под видом пёстрой нити. Сваренные бараньи кишки – это знак благополучия, благоденствия, а попросту – пожелание быть всегда сытым: казахи столько раз переносили и голод, и разруху. Ну а чтобы род его множился, были потомки, внуки и правнуки, надо разрезать веночек из простых трав, неистребимо произрастающих вдоль дорог.

– Ну, просто замечательно! Так и сделаем. Мы с Галией купим всё и отвезём заранее, а сами подойдём к назначенному часу.

Ну что ж, не всё же время возиться с родственниками, надо и об остальных иногда подумать – о маленьком народе, к которому принадлежишь сам. Впервые увидеть эту женщину, мать двух малюток, и сразу же решиться на обряд разрезания пут – на это способен только сумасшедший Илья.

* * *

Однажды Маруа заметила, как её маленькая, её чистая, ласковая девочка, внучка, почти ребёнок, слушая музыку, затихла, глаза её подёрнулись грустью, несвойственной возрасту, и, тихо подпевая, она смотрела в пространство, где ей виделось что-то своё...

Откуда в ней такая грусть? Ведь ей ещё неведомы взрослые переживания...

Маруа прослушала запись. Что-то задело и её. Вновь и вновь переключала и слушала мелодию, так захватившую внучку. Вступали скрипки, следом – всплески аккордов фортепиано, затем вновь смычковые, сливающиеся в то, что тревожит душу, что исторгает слёзы. Долгий звук, который умиряет сердце. И опять аккорды – и снова сердце исходит тоской неизбывной.

Песня сама по себе была особенной, а тут ещё исполнитель – молодой парень с необычным, редким для мужчины голосом (кажется, он называется контртенор). Одно накладывалось на другое – оркестр и голос. Может, как раз и срабатывало воздействие высокой вибрации, тонкого звука.

И, может, в генетической памяти девочки всколыхнулись чувства её прапраматери... Это предощущение, предчувствие предвестников её первой любви...

Мелодия и её саму уводила в грёзы... воспоминания, за давностью лет казавшиеся теперь то ли сном, то ли видениями...

Воображение переносит её в те далёкие времена, рядом её милый... они на земляном валу древнего Жанкента... острое чувство нежности охватывает её... осознание обострённого чувства счастья, разливающегося в душе половодьем... её тянет к нему... а вот у мутно-зелёных вод она сидит на краю плота, бороздя рукой гладь воды... вода затягивает взор... дна не видно... шурша крыльями, пролетает низко над головой большая птица... ярким изумрудным опереньем, поблёскивающим на солнце, напоминает зелёных щурок – удивительно красивых, райских птиц... птица входит в воду... проплывает невдалеке от них... они с замиранием следят... боятся испугнуть, наблюдают за ней молча... птица выходит на берег и встряхивается... но вот она вновь взмывает в небо...

Припоминается залитая загадочным лунным светом ночь того памятного времени... беспокойство... тревога... яркий ослепляющий свет, тело наливается жаром... звенит в ушах... сердце колотится... она незаметно выскользывает наружу... матушка, кажется, спит... знает, что поступает недостойно, но нет мочи выдержать эту сладкую греховную муку... влечёт неведомая сила, неподвластная ей... литые тяжёлые браслеты с головками змей свободно облегают запястья... еле слышно позвякивают, соприкасаясь с другим браслетом, более узким, но нарядным, с бирюзовыми глазками... серебряные шолты в косах звенят при каждом шаге, хотя она старается идти медленнее, тише... появляется её милый, он, молодой, красивый... волнующе особенный... она робко улыбается ему... он протягивает к ней руки... она идёт навстречу... веря и не веря...

* * *

Где-то делали ремонт: слышны гул и дребезжание дрели, побеспокоившей бетонную плоть. Шумел город; проезжали, резко сигналив, машины.

Во дворе соседнего дома на детской площадке, огороженной сеткой, одиноко прогуливался, как всегда в определённые часы, высокий мужчина. Зимой – в фетровой шляпе, в элегантном пальто с подплечиками и суженными к низу полами, – он выглядит как «готическая» фигура. Немного прихрамывает, в руках тросточка. Благополучный господин. Во всяком случае, так кажется.

Взгляд – ближе. «Кустодиевская» женщина, в очках с толстыми стёклами, вывела на прогулку серо-мышинного ротвейлера такого же, как сама, толстого. Она хозяйка чёрного «Ландкрузера» с «блатными» номерами. Иногда Маруа наблюдает, как она тяжело выбирается из водительского кресла, затем вытаскивает сумку-портфель с бумагами...

Как-то незаметно стало пасмурно, потемнело. Но ещё далеко до сумерек. Поднялся ветер. В воздухе носятся сухие жёлтые листья, мелкий мусор. Горы закрылись тускло-серой пеленой облаков и пыли, слились с цветом неба. Едва проглядывают только вершины гор. На ближних холмах серыми пятнами видны дачи.

Напротив, в доме, напоминающем вертикально поставленную спичечную коробку, каждая квартира живёт своей жизнью. Вот в окне с решётками тускло загорелся свет. Сбоку у стены притулилась фигура. Маруа держит её в поле зрения, но взгляд заскользил дальше и сквозь давно немытые стекла разглядел, кажется, стол, какую-то другую мебель. Рядом ярко светится окно с раскрытыми жалюзи бледно-зелёного цвета; хорошо видно, как, переходя от газплиты к столу, быстро и легко движется молодая полная женщина. Вошёл мужчина. Присел, наверное, к столу.

Два окна одного дома, два мира. Как день и ночь. Как ясный день и ненастье...

Одним знакомым овладевает безумие. Он может неожиданно хохотнуть над какой-нибудь мелочью или громко, долго, довольно смеяться неизвестно над чем. Порой требует к себе внимания, а иногда наоборот – замыкается. Иногда невозможно понять, о чём он говорит. Следить внимательно за его речью, но в итоге мало что поймёшь – кто такие «они», что «они» такое сделали, почему это его так взволновало. Раньше он рассказывал, что у него был репрессирован отец. Наверное, закономерно, что он скрытен даже сегодня. Тогда никто не сможет поймать его на конкретных именах или событиях. Всё, что происходит или происходило когда-то, продолжает его волновать, но он не называет имён и событий, он очень тонко ускользает от этого... Однажды назначил встречу у центрального входа, а сам, видимо, вошёл в здание с противоположной стороны... а может, пришёл заранее, нарочно поднялся на второй этаж, чтобы картинно, медленно и плавно спуститься по эскалатору у центрального входа... Выбрал именно ленту, а не ступеньки... На нём была небесно-голубого цвета куртка, короткая, как у молодых... шарф пастельных оттенков в клетку. Аккуратно стриженная седина, бесцветный маникюр... успешный, выхоленный... что-то говорил, поглядывая свысока, пренебрежительно...

На улице Тимирязева появилось новое здание, на фасаде которого в нишах застыли, глядя на восток, четыре фигуры крестоносцев из нержавеющей стали, в человеческий рост. Один из них держит меч. Фигура в центре – секиру и щит с изображением креста. Третий удерживает и секиру, и меч. Четвёртый держит секиру. Здание напоминает то ли пароход, идущий по узким закоулкам здешних мест со скромным достатком, то ли самолёт с окнами-иллюминаторами, на котором несутся крестоносцы. Почему крестоносцы? Это объясняется почитанием той эпохи с её «романтикой»? Или привлекает безумная идея – покорить Восток, освободить Гроб Господен? Наверяд ли... просто, может, деньги некуда девать. А здание находится в Бостандыкском районе, то есть в районе Свободы...

Недалеко от центра на низком козырьке большого здания название учреждения на казахском и китайском языках, а на самом здании на видном месте, так сказать, на лбу, крупно дано название только на китайском. На другом солидном здании на проспекте название написано только на китайском. Для кого написано? Неужели правда, что всё распродали? В таком случае имеют право написать: маодзедуновская стратегема в действии – «бей по голове, остальное само развалится». А может, это та самая закономерность, когда сильный ветер дует лишь до полудня.

VIII

Уехать бы на станцию Коркыт, пожить несколько дней на берегу реки. Тогда, в мае, надеялась услышать пение жаворонка, а увидела настоящего степного соловья, и скорее догадалась, что это был он из-за необычного, светло-серого оперения и хвоста, который оказался длиннее, чем у привычного городского воробышка. И ещё впервые в жизни услышала его пение. Остановилась как вкопанная, боясь вспугнуть, а он сидел на крыше маленького здания музея и не думал пугаться. И не веря себе, всё переспрашивала у местных, соловей ли это настоящий, тугайный...

Но может, она опять пытается соткать, сотворить иллюзию? Поехать и вновь вернуться опустошённой?.. Целый месяц неопределённость, раздражительность, пустое, праздное времяпрепровождение.

Надо ехать. О, это пока что единственно стоящая попытка-мысль.

Нет, кобыз сегодня слушать не хочется... «Элегия» Рахманинова; Моцарт – Concerto № 21 do major (02 An dante), Concerto № 23 La major (02 Adagio), Бах, Месса си минор – 01-03. kurgie (1-2-3), 04-06. Gloria (1-2-3), 26. agnus dei (1), Сезария Эвона, Дуа Инсан, Течинг, Аки Яширо, Жавхлан.... О, уже двенадцатый час...

Как сказал Кундера, душа не что иное, как деятельность серого вещества мозга. Хорошо, что задала работу серому вещества мозга: крапиву и чертополох в душе «прополола» музыка...

Да, надо ехать. Надо уйти от суеты. Надо поехать да пожить там подольше. Да и на Шошкакол сходить, до него, наверное, километров шесть-семь, не больше. Пройти на то место, где видела девочку в первый раз. Удлиненные пальчики тоненькой руки крепко держали гриф кобыза, словно боясь упустить главное в жизни. Девочка играла не задумываясь ни об «аримаспах», ни о валяющихся рядом костях с черепами. Ей не надо ни священнодействовать, ни шаманствовать, ни рисоваться, ни казаться человеком из другого мира, мира столицы, музыки. Она была естественная в этих местах, где постоянно завывает ветер и кружится пыль-песок. Она здесь родилась. Присесть бы на тёплый песок и её глазами посмотреть сквозь колыхающиеся, изгибающиеся ветви того старого саксаульника: на ветки, вычерчивающие ажурный рисунок, меняющийся по мере усиления порывов ветра или, наоборот, его стихания; на ослепительное отражение солнечных лучей на поверхности воды. Иногда, если пристально смотришь, чудится совсем неожиданное: однажды показался чей-то лик, ускользающий, чуть удлиненный, чуть искажённый, размытый, медленно уносимый течением. Посмотреть, как тот ажурный рисунок ветвей саксаульника принимает различные очертания на фоне зелёного ковра противоположного берега, где пасутся кони; посмотреть на лебедей на излуине, на рябь родной реки, где, по преданию, сидя на ковре, играл на кобызе Коркыт-ата, не останавливаясь ни на мгновение сто лет. Посмотреть на воды Танаис-Силис-Канг-Яксарт-Сейхун-Йинчу-Огуз-Июша-Сырдарья, которые одна учёная называет ипостасью Коркыта¹⁹.

Хорошо бы и у зрителя не ночевать – атмосфера прилипчивой показной набожности будет только мешать. Офис – тем более: публичность, суета. Надо бы пожить у местных, в одном из домиков, дворики которых упираются в берег реки. Или найти того старца, послушать его, познакомиться поближе. А если

¹⁹ Речь идёт об учёном, культурологе и переводчике З. Наурызбаевой.

допустить, что он и есть перевоплощение Коркыт-ата? Бартини был далеко не простым человеком. Если даже не так, раз есть такие люди, как тот старец, художник Кареке, тот директор музея в Казалинске, то не всё потеряно. Много таких честных, добрых юношей, как её внук. Есть чистые, светлые девушки, как её внучки. Значит, не всё так плохо.

Тогда же, в Кызылорде, Кареке подарил свой альбом.

– Необычный автопортрет, – сказала она, надеясь, что он что-то прояснит: ведь к тому же он и поэт.

– Да?.. – рассмеялся он тихо.

Только и всего. Не все любят объяснять идею, мотивацию и так далее. Он из их числа.

На стыке углов (комнаты, вселенной, времён, миров, цивилизаций?), где отблеск белого пространства окрашивает всё в серо-фисташковый цвет, стоят спиной друг к другу в полный рост две фигуры. На переднем плане художник изобразил себя, он смотрит вниз, верхняя часть его лица прикрыта полями шляпы, натруженные руки сцеплены на животе. На нём пальто пурпурного цвета (красный с синим оттенком в христианской символике – чистая совесть и спокойствие души, ожидание чего-то хорошего). Дорога пред ним тоже цвета пурпура. Необычна его поза: вроде бы смиренная, но нет ни смирения, ни покорности, скорее, это спокойствие мудрости, сильное, сдержанное в своём проявлении. Именно такие люди – носители сильного духа. Это соответствует установке степной философии – ешкімге зиян келтірмей, сабырлық, ұстамдық сақтау. Своеобразное степное Недеяние²⁰. Подобная позиция – это работа тонкого ума и равнодушного сердца. Такой человек умеет слушать, не вмешивается в судьбы других (тем более, не ломает), не делает скоропалительных выводов, не принимает скорых решений, не будучи уверенным в их необходимости; он знает, когда его действия принесут пользу. Художник стоит в глубокой задумчивости, в раздумьях о жизни, о «страстях человеческих», о человеческих слабостях-пендешілік:

Не под землёю ад,

Под солнцем

Мост, что с волос.

Стремясь опередить кого-то,

Кто поручится не споткнуться?²¹

В этом спокойствии – мудрость веков, осознание выполненного им самим предназначения судьбы и готовность отправляться вслед за предками в странствие по иным мирам, в срок, predetermined Свыше, но неведомый простому смертному, а следовательно, готовность к дороге в любое мгновение жизни. И сильный человек с трепетной, всё пропускающей через себя душой, наверное, хотел сказать именно это. Чуткому сердцу потомка далёких огузов с берегов древней Жемчужной реки в музыке степного ветра, то обжигающе холодного, то ласкающе тёплого, нет-нет и слышатся сквозь звенящую тишину времён и столетий исцеляющие звуки кобыза Коркыт-ата, не дающие забыться, напоминающие о суетности мира, скоротечности времени. Земля отцов пропитана музыкой, поэзией и бессмертием искусства.

²⁰ Недеяние – категория восточной философии.

²¹ Қайрбай Зекірулы «Құс жолы» (подстрочный перевод У. Тажкен): Жер астында жоқ тамұқ, / Күн астында / Қыл көпір. / Озмышқа оқталып, / Сүрінбеске кім кепіл?

На белом фоне, тоже наклонив вниз голову, стоит другая фигура в казахском традиционном одеянии – чапане, борике. Судя по единому светло-серому тону, схематичности изображения и тому, что он смотрит на север²², это Аруах – обобщающий образ предков, дух которых, по преданию, оберегает потомков. Он словно тень самого художника, или его альтер-эго. Дорога пред ним – чёрно-белая.

Это главный стержень, «ось существования» степняков – культ предков, одна из составляющих синкретизма в исламе, исповедуемом казахами. Возможно, это главная мысль автопортрета – почитание духа предков, гордость за сохранённую неразрывность связи поколений, в которых каждое обязательно помнит своих пращуров до седьмого колена; следование традициям, обычаям своего много-страдального народа, как надежде на более светлое будущее нации.

* * *

В последнее время Маруа беспокоится за внука: какие-то студенческие сборища, выступления... Кто уж там у них в лидерах?.. Много стало тех, кто метит в пророки. А общество разношёрстное – местные, делящиеся на жузы (на северных, западных да южных, с пренебрежением относящихся друг к другу), на настоящих и «шала» (словно по насмешке истории!) и на общины из числа местных, своих, и оралманов. Каждая группа сама по себе, со своим лидером. И сколько же должно быть пророков? Когда совесть станет нормой? Когда барымтачество богатых перестанет быть возведённым в норму? Единства, того стержня, что создаёт народ, нет. Пока нет. Так что какая борьба? За что, за какие идеалы? А юность бескомпромиссна, идеалы кажутся незыблемыми. Юность честна и смела... она борется открыто, на площади.

Жить сегодня по совести – уже подвиг, как сказал один учёный.

А как борется восточная женщина? Что главное в ней, в казашке? Способность сохранять самообладание, терпеливо всё сносить в надежде на лучшие времена и обстоятельства... уметь прощать и ждать?.. Как сыновьям прожить жизнь достойно, без унижительных мыслей, как растянуть зарплату, как одеть детей? О Создатель, дай им жить в цивилизованном мире, где их ценили бы и считались бы с ними, не дай им стать рабами!

Сёстры, брат? Достаточно знать, что у них всё более или менее нормально, их спасает общение клана, маленькие радости и впечатления. Как, например, Раю спасает (или отвлекает) то, что ей удалось разбогатеть, и что, конечно же, лучше, чем прозябать, имея на обед и ужин только жареную картошку с макаронами.

Муж? Наверное, Кадыру трудно, очень трудно быть в её пространстве, находиться рядом, оберегать, помогать продолжать жить. Но если жить, как он, прошлым, оглядываться назад, остаётся только покорно ждать конца, подвергаться воздействию постоянного яда мыслей о неизбежности конца. Поневоле поддашься влиянию, и сложнее будет противостоять. Но «во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»²³. Потому надо понять его постоянную подавленность. Но она поедет, даже если он откажется ехать.

²² Север – «Древние тюрки и монголы для определения сторон света поворачивались лицом к восходящему солнцу. Эта традиция сохранилась у казахов: солтүстік – север, оңтүстік – юг. Арқа – спина, хребет; Сары – жёлтый, но и сторона, направление. Север считался у них стороной печальной и имел отношение к потустороннему, нижнему миру». (М. К. Семби «Тюркский меридиан»).

²³ Екк. 1:18.

Это – её исход-исток. Там, возле того луча-пирамиды, где дух устремляется ввысь. И у неё своя триада – усечённый конус (в местной пирамиде), человек в молельне с гнёздами ласточек и молитва на корточках. Звуки бетонных кобызов, вибрируя в бесконечном кружении, вольются в поток луча, сворачивающегося в спираль-кольцо-вихрь вечности и унесут с собой и её молитву вместе с щебетанием ласточек. Чтобы сделать дело своей жизни, нужна не удача, сказал знаменитый писатель, удача нужна тому, кто хочет прославиться, сделать карьеру. А законы судьбы довольно строги по отношению к просителям сказочных удач, добавил он²⁴.

Как говорил какой-то философ, сначала борешься за материальное обеспечение, потому приходишь к Богу, затем, когда эта ступень пройдена и появился недостаток, начинаешь сомневаться в вере. И вот тогда-то и приходит философия. «Немножко ума, немножко философии удаляют от Бога, побольше ума, побольше философии опять приводят к Нему»²⁵. Исхожено это поле, не-сметны тропинки и тропы. Мудрецами мира объяснено многое и по-разному. Счастливы, наверное, те, кто верует истинно: ушёл в молитву, привычную спасительную среду, – и в душе гармония. Но условности отпугивают. Многие, как тот киргиз из записок Ч. Валиханова, – то истово молятся, то неистово сомневаются.

Несколько зажжённых свечей горят ровным пламенем.

Только одна, ближняя, слегка кольшется-волнуется: то вытянется, удлинясь, вверх, то наклонится в сторону, спадая...

Маруа долго, не мигая, смотрит на огонёк, глаза наполняются влагой, пламя расплывается в красное пятно...

Оно словно чувствует её дыхание, словно впитывает невидимые волны, идущие от неё, от её беспокойных мыслей, которые она никому не поверяет, прячет глубоко-глубоко в себе. Иногда безжалостно полоснёт, как будто ножом, набухший нарыв-накопитель, и перебирает мысленно былые ошибки-прегрешения, пока не доберётся до самых потаённых, а затем начинает искать оправдания.

Пламя отражается в её зрачках, кажется, что соперживает ей, чутко реагируя на всплеск исходящих волн мыслей-вибраций, толпящихся в безмолвии комнаты, а потом вдруг уносящихся дальше, за стены дома, за пределы её маленькой вселенной...

Будто идёт молчаливый разговор.

Пламя притупляет горечь, сжигает сомнения, отпускает грехи, успокаивает совесть.

Оно принимает её исповедь.

* * *

Вошёл встревоженный Кадыр.

– Говорят, ракетоноситель рухнул на Байконуре! С шестьюстами тоннами ядовитого гептила!

– Кто сказал?!

²⁴ «А законы судьбы довольно строги...» – парафраза из романа А.А. Кима «Сбор грибов под музыку Баха».

²⁵ Афоризм английского философа, историка Ф. Бэкона.

- Вот, только что прочитал в Интернете!
- Когда?.. Когда это случилось?
- Сообщение только появилось. Наверное, на днях.
- Позвони-ка сёстрам на Байконур! Как они там?
- Алло! Алло! Как вы там? Говорят, ракетоноситель упал?
- Да, вот по радио объявили, чтоб не выходили на улицу. Чтоб закрыли окна и двери, не включали кондиционер. В такую-то жару! Тут у нас паника. Хлеба нет в магазинах.
- Господи, что же делать?
- На улицу выходим в масках. А так сидим дома, не знаем, что будет.
- Ну, этот, как его, космонавт, сказал, что всё нормально, нечего, мол, опасаться.
- Да ему-то чё! Ему тут не жить. Мало ли чё скажет, чтоб угодить начальству да удержаться на должности.
- Я скоро поеду к Коркыт-ата. Что привезти? Хотя, ладно...

Раздался звонок. Муж кинулся к трубке.

- Нет? Не пришёл ещё? Как только придёт, позвони, слышишь, сразу же позвони.

Словно снова запылали два зловещих костра...

Он стал набирать номер по сотовому телефону:

- Алло, балам ²⁶, ты где?..
- Не волнуйся. Всё нормально.
- Как нормально? Ты где? Где?.. На площади?
- Всё спокойно, здесь все наши, не волнуйтесь.
- Иди скорее домой, прошу тебя!
- Да-да-да...

Телефон замолк. Маруа набрала снова – занято. Через несколько томительных, беспокойных минут набрала вновь. Опять занято. Что там происходит? Бурлящая, готовая взорваться от любого повода толпа; полиция, стоящая стеной, эти одинаково тупо смотрящие перед собой и не видящие ничего и никого... они не остановятся, не пожалеют, не поймут. В руках – в лучшем случае дубинки резиновые... От этой мысли ей становится спокойнее, картины одна ужаснее другой возникают в воспалённом воображении.

Занято до сих пор. Что делать? Боже... надо идти туда. Они же не остановятся ни перед чем, расстреляют, как в Жанаозене.

- Куда ты пойдёшь? Да тебя не пустят туда, – Кадыр вновь набирает номер. А... наконец ответил.

– Балам, иди домой, ажека ²⁷ волнуется, собирается идти искать тебя. А? Что? Расходитесь? Позвони, как только доберёшься домой. Обязательно позвони.

Прошёл час, два. Ни о чём другом не думалось. Представлялось, что может случиться, вспоминалось всё, что вычитывали в газетных, телевизионных сводках.

- Ты где, жаным ²⁸? Прощу тебя, иди скорее домой!..

²⁶ Балам – сынок.

²⁷ Ажека – бабушка; от слова аже, с добавлением русского суффикса.

²⁸ Жаным – солнышко, светоч мой, душа моя.

– Да-да, я уже возле дома.

Через минут десять снова звонок, теперь – на городской телефон:

– ???

– Да, вот только что вошёл.

– Слава богу, довели, так сказать, до квартиры, – ответила Маруа мужу на его немой вопрос.

И тут же облегченно вздохнула:

– Господи, как мало надо для истинной радости...

9 ноября 2007 – 22 декабря 2018 г.

Умит Тажкен в литературе с 2001 года. Автор книг «Сакрализация памяти», «Восхождение к Абсолюту» (2003 г.), «Лоза тamarиска» (2009 г., в переводе избранного на казахский язык «Ақиқатқа жүгіну», перевод Нургали Ораза, 2006 г.). В серии книг по государственной программе «Мәдени мұра» выпущен роман «Ось существования» (2009 г., предисловие Виктора Бадикова), В начале этого года вышла книга «Бег устремлений. Избранная проза». В нее вошли роман «Ось существования», новые повести, а также рассказы, опубликованные ранее в периодической печати, статьи, рецензии.

В марте 2019 года отмечают:

90-летие

Илья ШУХОВ, прозаик

80-летие

Орысбай АБИЛЬДАУЛЫ, поэт

70-летие

Нагашибай МУКАТОВ, поэт

60-летие

Патигуль МАХСАТОВА, поэт

50-летие

Адалбек АХМАДИ, поэт

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

